

АНДРЕЙ МАРТЬЯНОВ

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Андрей Мартьянов
Марина Кижина
Большая охота

Серия «Вестники времен», книга 5

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152631

Большая охота: Лениздат, «Ленинград»; Санкт-Петербург; 2006

ISBN 5-289-02362-3

Аннотация

...Вы – добропорядочный и вполне заурядный средневековый рыцарь. Скромная мечта вашей жизни – стать участником грядущего Крестового похода. Вы тащитесь по извилистым дорогам Прованса, размышляя о далекой Палестине и препираясь с компаньоном, и вдруг жизнь начинает вытворять с вами такое...

А ведь вас предупреждали: враги повсюду! бдительность должна быть на высоте!

Что, спрашивается, делать честному рыцарю, если везде сплошные обманщики да заговорщики? Ваш напарник оказывается королевским лазутчиком, попутчица – шпионкой конкурентов, окружающие стремятся втянуть в авантюры со смертельным исходом. Вдобавок позарез необходимо вернуть похищенный архив канцлера Англии, изловить оборотня и уцелеть самому...

Тут уже не до Крестовых походов!..

Содержание

Пролог	6
Часть первая	21
Глава первая	21
Глава вторая	64
Глава третья	109
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Андрей Мартьянов

Марина Кижина

Большая охота

Благодарности:

Марине Кижиной-Стариковой и Кириллу Старикову – неизменным соавторам, чья настойчивость и трудолюбие позволили циклу «Вестники Времен» обрести новую жизнь и второе дыхание.

Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет.

Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы.

Евангелие от Луки: 8: 16–17.

Посвящается маленькой пани Станиславе – в ожидании тех времен, когда она научится читать.

В тексте использованы стихи: братьев Самойловых (группа «Агата Кристи»), Ларисы Бочаровой (Лоры Провансаль), В. Лузберга.

Пролог

Полет ворона

1189 год.

Графство Редэ, Лангедок, Южная Франция.

Большая черная птица парит в лучах медленно поднимающегося над холмами солнца. Круг за кругом, то выше, то ниже, ветер упруго посвистывает в жестких перьях. Мелькают внизу цветные пятна – крутые холмы в рыжей патине увядающих трав, темно-зеленые квадраты виноградников, купы буковых рощ, медленно перемещающиеся в облаках пыли овечьи отары... Прожив на свете более полувека, ворон давно усвоил, где можно рассчитывать на добычу, а куда соваться не стоит. Небольшой птичий мозг твердо помнил: держись полей и лесов, избегай городов, избегай людей, а в особенности – избегай огромной рукотворной горы. Лесные звери и птицы инстинктивно старались не приближаться к этому месту. Крылось в нем нечто, противоречащее бесхитростным представлениям неразумных тварей об окружающем мире.

Среди людей зловещее место носило гордое имя «Ренн-

ле-Шато», замок Ренн, фамильное обиталище правителей здешних краев. Для животных замок был и оставался награждением золотистого известняка, умело и хитро прикидывающимся обычной человеческой постройкой. Здесь всегда что-то происходило – незаметно, исподволь, кроясь во мраке и шурша змеиной чешуей по камням. Высокий огонь в ночи, люди, чья жизнь оборвалась до срока, пропавшие без вести – или, наоборот, взявшиеся неведомо откуда...

Как, к примеру, трое верховых, выехавших из неприметного распадка примерно в четверти лиги к юго-востоку от стен замка. Отпущенное природой разумение ворона в голос кричало: узкое ущелье заканчивается тупиком, глухой каменной стеной. Люди вместе с лошадьми никак не могли пройти сквозь нее. Им вообще было неоткуда появиться, разве что изникнуть прямиком из земной тверди.

Тем не менее, эти трое поочередно покидали ущелье. Даже не трое, а четверо: один конь нес двоих седоков. Одолев густо усеянные каплями росы заросли дрока, всадники выбрались на торную тропинку. С высоты птичьего полета было видно, как, извиваясь между холмами, она убегает к берегу узкой речушки, перебегает желтой полоской брода на другой берег и устремляется к околице ближайшего людского поселения. Река звалась Сальсой, деревня на ее левом берегу – Арком.

Для людей, с трудом вырвавшихся из железных объятий Ренн-ле-Шато, эти незамысловатые названия означали сво-

боду и надежду. Однако для птицы они были всего лишь непонятными звуками.

Ворон быстро потерял бы интерес к странному отряду... если б не одно обстоятельство. Вышедшие из распадка люди не подозревали о поджидающей впереди засаде. Среди окрестных холмов затаилось около десятка верховых, разделившихся на две группы. Беспечная добыча миновала один из секретов, устремившись напрямиком в лапы второго.

Как гласил многолетний опыт ворона, после столь неожиданных столкновений у обочины дорог частенько остается кое-что съедобное. А если уж люди примутся размахивать длинными блестящими железяками, то сытный обед обеспечен. Пожалуй, стоит обождать и посмотреть, как станут развиваться события...

Черная птица резко нырнула вниз, стрелой прошивая стылый утренний воздух. Хлопнули складывающиеся крылья, зашелестели перья: ворон приземлился на выступе скалы и затоптался, устраиваясь поудобнее.

* * *

Явившаяся из распадка загадочная компания, надо заметить, выглядела довольно разномастно. Старшим – и несомненным вожаком – представлял высокий, варварского обличья тип в одежде явно с чужого плеча, обладатель растрепанной гривы каштановых волос и зеленоватых глаз. Его спут-

ник, тот, что восседал на могучем фландрском коне, вполне мог принадлежать к благородному сословию Британских островов – о чем свидетельствовали прямые, почти белые волосы и тяжелая, что называется, «лошадиная» нижняя челюсть.

За спиной англичанина, на крупе его коня, примостилась дама в наброшенном на плечи дорожном плаще зеленого сукна. Молодость, красящая любую женщину, к путешнице особой щедрости не проявила. Острые черты треугольного личика, темно-рыжие пряди, стянутые на затылке в тугий узел... Происхождение девицы поддавалось определению с изрядным трудом. С равной долей вероятности она могла быть уроженкой Альбиона, Ирландии, бретанской француженкой и даже северянкой из Норвегии.

Зато место рождения замыкавшего маленькую кавалькаду юноши угадывалось с первого взгляда. Только Италийский полуостров мог одарить мир столь примечательным образчиком человеческого рода. Смуглый, черноглазый и горбоносый мальчишка явился на свет исключительно на погибель как женщинам, так и некоторым мужчинам, обладающим противоестественными склонностями. Единственный из всех, он выглядел сейчас то ли испуганным, то ли неуверенным. И когда из кустов на тропинку вдруг высыпали вооруженные люди, итальянец от неожиданности так рванул поводья, что его гнедая возмущенно ржанула и заплясала под неловким седоком.

– Доброе утро, господа! Вот мы наконец и встретились. Мое почтение, мистрисс Уэстмор, как поживаете?

Саркастический возглас принадлежал предводителю охотников на двуногую добычу – человеку лет двадцати пяти, светловолосому и коренастому, одетому в невзрачный наряд небогатого горожанина. Поверить этому маскараду мешали кое-какие мелочи, хорошо различимые опытным глазом. К примеру, отличный, дорогой работы меч на левом бедре. Породистый жеребец чалой масти, никак не могущий оказаться под седлом простолюдина. Наконец, сама манера поведения незнакомца: человека, привыкшего отдавать приказания и уверенного, что его слова будут немедленно исполнены.

Его подчиненные, числом семеро, постепенно стягивались к месту событий. Все, кроме стрелков, конные, добротнo одетые и вооруженные, они так же мало напоминали заурядную разбойничью шайку. Скорее уж группа смахивала на баронских дружинников, некими странными обстоятельствами вынужденных прикинуться грабителями с большой дороги. Двое держали наперевес арбалеты – вроде бы небрежно, ни в кого особенно не целясь, однако механизмы взведены и тяжелые стрелы готовы в любой миг сорваться с тетивы.

Окруженная превосходящими силами противника четверка сбилась в тесную кучку. Рыжая девица, оскалив мелкие острые зубки, крайне раздраженно прошипела некую

фразу, точно не являвшуюся призывом к Господу о помощи. Скорее уж ее высказывание являло собой пожелание противникам немедля провалиться в преисподнюю и оставаться там до скончания времен.

– Взаимно, моя прекрасная леди, – отозвался предводитель нападавших, расслышав нелестные эпитеты в свой адрес и отвешивая шутовской поклон. На его лице появилась глумливая улыбка. – Поскольку мне не хотелось бы причинять вам лишние неудобства, думаю, вполне обойдемся без унижительного ритуала расставания с оружием. Учтите, мессеры, я полагаюсь на вашу честность. Если же вам хочется затеять свалку – по крайней мере, одному из вас просто не терпится – скажите сразу. Уж такое скромное развлечение напоследок я в силах обеспечить. Убери меч, Дугал! Убери, я сказал!

В голосе светловолосого лязгнул металл. Лохматый тип, невесть когда успевший вытянуть из заплочных ножен страшовидную шотландскую клеймору, хмуро глянул на оратора и нехотя положил клинок поперек седла. Соотношение сил – восемь против двоих – говорило само за себя.

– Кто это? – негромко спросил Гай, положив руку на рукоять меча. Он обращался к сидящей за его спиной девушке. Однако ответил шотландец.

– Его зовут Ральф Джейль, – сказал он, как сплюнул. Разговор велся на принятом среди европейского дворянства норманно-франкском наречии, только в речи Мак-Ла-

уда звучал тягучий акцент коренных обитателей Хайленда, гористого британского севера. – Ты всегда был везучим ублюдком, Ральф.

– «Ублюдка» я забью тебе обратно в глотку, горец, – ухмылка Джейля утратила всякое подобие дружелюбия. – Итак, Ральф Джейль, шевалье, к вашим услугам и собственной персоной. Ваши же имена мне большей частью известны, а меньшей – неинтересны... Ну так что, желаете учинить вульгарную драку или все же присоединитесь к нам мирно?

Мак-Лауд посмотрел на Гисборна. Гисборн пожал плечами, покачал головой и с явным сомнением бросил взгляд на Франческо Бернардоне. Итальянец отвел глаза.

– Восемь человек, – сквозь зубы процедил шотландец. – И черт его знает, сколько еще сидит с арбалетами по кустам. Он предлагает поговорить... что ж, ладно, где беседа, там шанс. Твоя взяла, Ральф. Как же ты нас выследил, зар-раза?..

– Повезло, – скромно улыбнулся светловолосый.

– Везучий ублюдок, – скривившись, повторил Дугал. – Даже в рай наверняка пролезешь на чужом горбу. Но ты ведь не надеешься, будто вся слава добытчика достанется тебе одному, а?.. Господь, наш Создатель, велел делиться!

– Это само собой. Поделюсь непременно, а как же, – рассеянно пробормотал вожак странных грабителей, щупая наметанным взглядом притороченные к конским крупам объемистые тюки. – Получишь, что причитается, даже не сомневайся... Где товар?

– Неблагодарная вы сволочь, мессир Джейль, – буркнул шотландец. – Всю работу за него сделали, а у него даже «спасибо» сказать язык не поворачивается. Во выюках твой ненаглядный товар. Лежит спокойно, дожидается, когда его доставят... в общем, куда надо, туда и доставят.

– Какой товар, Дугал? Какая слава? – судя по выражению донельзя изумленной физиономии, беловолосый англичанин плохо представлял, о чем идет речь. Сидевшая за его спиной девица, поименованная «мистрисс Уэстмор», беспокойно заерзала, словно прикидывала, как бы половчее прыгнуть с коня и удариться в бега. – Вы с ним что, заодно?!

– Заодно, не заодно, какая разница... – пробурчал кельт. – Я знаю его, он знает меня, а мистрисс Изабель знает все, но предпочитает помалкивать. Мы с ним знакомы еще со времен моей службы сам знаешь у кого...

– ...И он тоже – слуга покойного Лоншана? – с брезгливой интонацией завершил фразу Гисборн.

– А черт его знает, чей он нынче слуга, – не слишком куртуазно ответил Дугал. – Зато я точно знаю, что мессир Ральф охотится за наследством усопшего канцлера. Ну, теперь все узнали истинную правду друг о друге? Мистрисс Изабель, да не скрипите зубами! Надо ж иногда уметь проигрывать!

– Что за вздор, – девица надменно вскинула узкий подбородок. – Не понимаю, о каких играх вы тут болтаете. Но, если вы сговорились ограбить беззащитную женщину, Господь

вас за это сурово покарает.

В этой странной, обманчиво мирной беседе, ведущейся под прицелом арбалетов и в окружении обнаженных клинков, Ральф Джейль с некоторого времени участия не принимал. А может быть, даже и не вникал в суть произносимых слов. Шевалье был похож на человека, поставленного перед сложным выбором. Он хмурился, и пальцы его правой руки непроизвольно стискивали «яблоко» на рукояти меча.

Впрочем, выбирал светловолосый недолго. Дело казалось абсолютно верным. В уединенной лощине нет никого, кроме добычи и загонщиков. Искушение, неумолимо преследовавшее его десять последних лет, оказалось слишком велико, а люди, гнева которых стоит опасаться, далеки и никогда не узнают правды.

Победитель всегда прав и неподсуден. В этой стычке победителем будет он.

– *Il dio est bono, il dio est malo*, – произнес вдруг горбоносый юнец, словно очнувшись от сна.

«Господь бывает добрым, бывает и злым, – машинально перевел Джейль, немного владевший италийским наречием. – Ты чертовски прав, парень. Чертовски прав».

Шевалье тяжело вздохнул и махнул рукой арбалетчикам.

* * *

Короткие толстые болты с хлопком сорвались в полет.

Цель поразили оба – один глубоко вошел в горло, другой застрял между ребрами. Сила удара оказалась такова, что Дугала Мак-Лауда буквально выдернуло из седла. Он рухнул вперед спиной на выжженную солнцем землю графства Редэ, прожив еще несколько кратких и мучительных мгновений. Потом судорожные метания прекратились. Вылетевшая из руки шотландца клеймора лежала шагах в трех поодаль, отражая солнечные лучи. Сохранившие недоуменное выражение глаза застыли, подернувшись мутной дымкой.

Как любой человек, Гай с рождения представлял хрупкость и недолговечность человеческой жизни. Ему уже приходилось терять на поле боя соратников и друзей. Единственный взмах клинка, свист стрелы, загноившаяся рана – и вот оставшиеся в живых стоят на кладбище возле разверстой могилы. Мак-Лауд, наемный меч, знал это не хуже, а может, и лучше его. Но чтобы вот так нелепо, после всего, что им довелось пережить в подземельях замка Ренн, в двух шагах от спасения и свободы...

Первой опомнилась рыжая девица. Тело Мак-Лауда еще не коснулось дорожной пыли, когда она решительно сиганула с конского крупа наземь – тем самым предоставив англичанину полную свободу действий и избавив его от необходимости заботиться о судьбе попутчицы.

– Не думайте обо мне! – она ловко проскочила между двумя нападавшими, попутно успев кольнуть в брюхо одну из лошадей острым стилетом, прыгнувшим ей в ладонь из ши-

рокого рукава. Оскорбленное и не ожидавшее такого подвоха животное взвилось, визжа и молотя передними ногами в воздухе. – Бегите!

Изабель Уэстмор скинула плащ, подхватила мешающие юбки и споро устремилась к расщелине между склонов холмов, рассчитывая найти укрытие. Вслед беглянке, повинувшись яростному крику мессира Джейля, поскакал один из его подчиненных.

За спиной убегавшей женщины тем временем вспыхнуло маленькое сражение. Могучий боевой конь Гая Гисборна не мог похвалиться особенным проворством, зато вставать у него на пути никому не следовало. В чем на собственном опыте убедился один из нападавших, попытавшийся преградить англичанину дорогу и спустя мгновение оказавшийся вместе с лошадьёю на земле. Второго рыцарь наотмашь рубанул мечом, но рукоять неловко провернулась в ладони, удар пришелся плашмя – впрочем, оглушив противника и сшибив его наземь. Пешие стрелки возились со своими арбалетами, и на какое-то мгновение путь оказался свободен. Впереди маячило лишь перекошенное лицо Ральфа Джейля, судорожно рвущего свой клинок из ножен.

Мак-Лауд свое отвоевал, спасти девицу поздно, но они с Франческо еще могут прорваться. Мальчишка, конечно, тот еще боец, у него даже меча нет, но, возможно, при некотором везении... если юнец не будет стоять столбом и бросит свою гнедую следом...

Везение кончилось, не начавшись. Франческо и не подумал сопротивляться – только втянул голову в плечи и зажмурился, уткнувшись в конскую гриву. Гай, обменявшись парой ударов с Джейлем, пропустил сокрушительную плюху плашмя по затылку и тут же – чем-то вроде дубины по руке, сжимающей меч. Добрый клинок зазвенел о камни. Гай выпустил поводья, повис на шее лошади, изо всех сил стараясь удержаться в седле. В голове гудели колокола, красные пятна поплыли в глазах.

– Остальных приказано живыми! – донесся откуда-то издалека сдавленный вопль. Сильные руки грубо стащили рыцаря с коня. Гисборн почувствовал, как ременная петля стягивает ему запястья.

Из распадка показался всадник, удерживая поперек седла яростно брыкающуюся девицу. Руки у мистрисс Уэстмор также были скручены за спиной, а вот вставить кляп то ли по горячке забыли, то ли не сочли нужным – чем рыжая бестия всю и пользовалась, поливая всех и вся отборной бранью. В сторонке обыскивали спешенного Франческо. Итальянец по-прежнему не сопротивлялся.

«Везучий ублюдок» Джейль бросил в ножны клинок, прыгнул с лошади, подошел к неподвижно лежавшему в пыли человеку и, наклонившись, сорвал приколотую к воротнику куртки Мак-Лауда вычурную серебряную фибулу, выдрав ее вместе с лоскутками ткани. Затем, не в силах справиться с овладевшей им злостью, пнул тело поверженного

соперника – один раз, другой, третий.

– Вот и все, горец! – злоратно выкрикнул он, отводя ногу для нового удара. – Наконец-то мы квиты! Получил свою долю славы, грязный ублюдок? Вот тебе еще немножко!

– Прекрати это, дьявол тебя раздери! – прохрипел Гай. – Мало чести глумиться над мертвым, попробовал бы ты пнуть его живого!

Джейль метнул в англичанина яростный взгляд и отошел, тяжело дыша.

– Ну, чего вытарацились? – прикрикнул он на подчиненных. – Этого... разденьте и забросайте ветками, пускай спишут на грабителей... если найдут, конечно, в чем я сильно сомневаюсь. Что отыщете ценного, можете поделить между собой. И, как закончите – по коням! С пленных глаз не спускать!

* * *

Погомонив, люди уехали, увозя с собой троих пленников. Погибшего в стычке человека оттащили в сторону от тропы, спихнув в русло пересохшего ручья и небрежно закидав комьями земли. Терпеливо выждав, пока двуногие и четвероногие скроются из виду, ворон покинул скальный выступ. Прыжками доскакал до ручья. Люди торопились, убежали, не доведя дела до конца – вон из земли торчит скрюченная кисть.

Ворон примерился. С размаху долбанул клювом в мягкое, свежее мясо, рассчитывая выдрать изрядный кусок.

Согнутые подобием звериной лапы пальцы вздрогнули и разжались. Встревоженная птица отпрыгнула в сторону, кося желтым круглым глазом. Решив, что опасности нет, вернулась к своему занятию.

После второго удара торчавшая из земли рука внезапно задергалась, едва не схватив стервятника за крыло. Запаниковавший ворон закаркал, предпочтя отлететь подальше. Что-то было не так. Когда люди бросают своих убитых сородичей, те более не шевелятся.

А этот – шевелился. Упрямо выкарабкивался из-под наваленных на него камней и песка, сипя и булькая пробитым горлом.

Ворон поразмыслил еще немного и решил: лучше всего улететь. Ну его, этого неугомонного мертвеца, не желающего даже умереть по-человечески.

Мы играли
Во что захотим,
Мы упали – и летим, и летим.
Куда – мы не знаем
До поры, до поры...
Мы слепые
По законам игры...
И тем, кто сам добровольно падает в ад,
Добрые ангелы не причинят

Никакого вреда

Никогда, никогда...

Часть первая

Тихие ночи города Безье

Глава первая

Страсти по архиву

11 октября 1189 года.

Мессир Ральф Джейль уже второй час сидел за столом в комнатухе постоялого двора «Белый бык» и размышлял. За подслеповатым окном смеркалось, вечер переходил в ночь. Мысли упомянутого благородного мессира, пребывая в гармонии с движением небесных светил, также становились все мрачнее.

На шатком столе мессир Джейль разложил большой набор не очень связанных между собою предметов. Там имелись пять небольших вместительных сундучков черного мореного кедра, шириной в две ладони, высотой и глубиной в три, окованных по углам зеленовато-золотистыми веточками из потускневшей бронзы, с удобными ручками на крышках и замочными скважинами, окруженными ворохом чеканных

колосьев. Компанию им составляли три или четыре пергаментных свитка, украшенных свисающими на веревочках печатями, а также небольшие мешочки, в коих путешественники обычно хранят свои денежные средства, и длинный меч-клеймора в ножнах, украшенных бронзовыми бляшками. Поодаль стояла плоская шкатулка из желтоватой кости ромейской работы, украшенная мелким резным узором из переплетающихся иззубренных листьев, тонких веток и цветочных головок. Еще одну безделушку, серебряную фибулу с вкраплениями грубо отшлифованных аметистов, Джейль безостановочно вертел в пальцах.

Вещи он частично добровольно, частично принудительно изъяс у пленников, находившихся в соседней комнате под бдительной охраной. Будь его воля и имейся возможность, Ральф изгнал бы из трактира всех посетителей и постояльцев до наступления рассвета. Воистину, так было бы куда спокойнее. И без того уже приходится раздавать золото мало не пригоршнями – сначала стражникам у ворот, потом мрачному кабатчику – чтоб не задавали лишних вопросов по поводу трех связанных пленников. Да еще подкреплять мзду нешуточными угрозами, чтобы и впредь держали рот на замке.

Решение переночевать в Безье, как именовался этот захоластный городишко, было по меньшей мере рискованным. Однако ж обойти город стороной не представлялось никакой возможности. Мешки с провизией показывали дно, а люди и кони нуждались в отдыхе. Хорошо, по крайней мере эту

ночь они проведут под крышей – но едва рассветет, двинутся в путь. Чем быстрее, тем лучше. Мессир Джейль мечтал добраться до ближайшего порта на французском побережье, откуда он может с чистой совестью и драгоценной добычей отправиться к своей покровительнице, мадам Элеоноре Аквитанской. Споры и выяснения отношений с местными правителями никак не входили в его планы.

При здравом размышлении, порученное ему дело он выполнил. Наилучшим образом. Пропавшее два месяца назад из Лондона сокровище обретено и находится в надежных руках. Единственная ошибка, которую он допустил – проявленная нынешним утром горячность и измена затверженному правилу: «Сперва думать, потом действовать». Возмездие Мак-Лауду мыслилось совершенно иным – если уж не в честном поединке, то хотя бы с приговором королевского суда и виселицей на окраине Лондона.

Однако сделанного не воротишь. Исчезновение Мак-Лауда, конечно, изрядно огорчит Элеонору и маркграфа Монферратского, коему шотландец служил последние годы. Ну что ж – бывает: люди, выбравшие опасное ремесло конфидента, частенько пропадают без вести. Он, Джейль, поступил весьма разумно, еще с месяц назад намекнув в своем письме к Элеоноре Аквитанской о возможном предательстве кельта. А ось сочтут, что тот переметнулся к византийцам.

Правда, есть еще свидетели. Как поступить с ними? Конечно, нужно было сразу либо прикончить всех, кроме ры-

жей девицы, либо уж не трогать никого. Теперь же у него на шее обуза в виде трех человек, каждый из которых способен во всеуслышание заявить: в смерти Дугала Мак-Лауда повинен никто иной, как Ральф Джейль.

Предположим, Изабель Уэстмор можно не принимать в расчет – кто поверит измышлениям византийской шпионки? Главная забота и головная боль Джейля: как доставить эту пронырливую особу к Элеоноре Пуату, живой и невредимой, в качестве приятного дополнения к бесценному архиву Лоншана. Пускай ее величество сама решает, как с ней поступить – изжарить на медленном огне, выпытывая тайны константинопольского двора, отправить в подарок Конраду или сделать фигурой в своих играх с византийцами и арабами. Судьба Изабель была предопределена в тот день, когда фальшивая мистрисс Уэстмор отважно сунулась в драку за наследство покойного Уильяма Лоншана, неудачливого канцлера Англии. Сунулась – и проиграла, несмотря на всю свою ловкость и хитрость.

Остаются безвестный итальянский мальчишка и белобрысый англичанин – рыцарь из свиты принца Джона, если верить взятым у него подорожным и письмам с личными печатями его высочества и Бастарда Клиффорда, архиепископа Кентербери, нового канцлера. С первым проще всего. Убит в окрестностях города Тура, неподалеку от реки Эндр, при нападении грабителей на торговый обоз Барди. Был человек – и нет человека. Никто о нем не возрыдает, кроме безутеш-

ных родителей в далекой Италии. Отпускать, даже если будет клясться в вечном молчании, никак нельзя. Слишком много видел, о чем-то наверняка догадывается, может проболтаться.

С шевалье Гисборном сложнее. Конечно, на беспокойных дорогах старушки Европы может бесследно сгинуть не только одинокий рыцарь, но и целая армия. Однако нельзя же во имя сохранения тайны приканчивать людей направо и налево! То есть не то чтобы нельзя... но как-то нехорошо. Не похристиански. Во всей этой истории с архивом и без того уже полегло немало добрых католиков. А Гисборн все же – соотечественник, дворянин, да еще заслуживший чем-то благосклонность самого принца Джона... в истории с архивом, похоже, человек случайный и потому безвредный... Вряд ли с покойным шотландцем и тем более с Изабель Уэстмор его соединяют какие-нибудь особенно прочные узы... Обучен обращению с оружием, исполнитель, может даже оказаться полезен... Нет, убивать рыцаря Джейлю никак не хотелось.

Ах, если бы у него оставалось чуть больше людей! Тогда он просто-напросто позаимствовал бы бумаги англичанина, а самого рыцаря вкупе с мальчишкой из Италии отправил под конвоем в ближайший королевский замок. Посидели бы там месяц-другой, ничего бы с ними не сделалось. Но людей было мало. Катастрофически мало. Мессир Ральф покидал Лондон в сопровождении почти трех десятков преданных ему головорезов. Теперь же, после событий последней

седмицы, в живых осталось только семеро его подчиненных.

...Троих он потерял почти сразу, в Руане, во время охоты на вторую группу похитителей. К его величайшему огорчению, взять пленных не удалось. Косвенные свидетельства позволяли предположить – эти люди трудились на пользу королевства Французского и его величества Филиппа-Августа, никогда не упускавшего случая посеять рознь между своих заклятых друзей-англичан. Следовало еще тогда отправить захваченные сундуки Элеоноре, но Джейль не решился расстаться с драгоценной добычей – вдруг сопровождающие окажутся недостаточно честны или сами угодят в засаду? Как улитка из поговорки, он предпочитал все свое носить с собой, мечась в поисках недостающей части наследства Лоншана.

А она, эта самая часть, все время ускользала у него из-под носа.

След пропавших сундуков обнаружился только в Турсюр-Луар, Туре-на-Луаре. Пронырливые похитители затаились в торговом обозе некоего мэтра Барди из Италии, держащем путь к Тулузе. Полагаясь на свою дружину и трепет торгового сословия перед властью предержажими, Ральф просто-напросто силой задержал обоз, потребовав выдать похищенное. Он не намеревался никакого убивать, разве что припугнуть для пущей надежности...

События покатались в совершенно непредсказуемом направлении. Из треклятого болотца неподалеку от речки

Эндр, где остановились фургоны, возникли прозрачные чудовища, уничтожавшие всех без разбора. Ральф по сей день был уверен, что настигнутые им византийцы, похитители архива, потеряли голову и каким-то образом призвали в мир бестелесных тварей. Или же, напротив, они руководствовались холодным расчетом, предполагая с помощью дьявольских отродий окончательно замести следы, избавившись скопом и от преследователей, и от возможных свидетелей? Истинные мотивы их поступка доподлинно ведала разве что девица Уэстмор, и надо бы не забыть порасспросить ее с пристрастием, как только представится к тому возможность...

Как бы то ни было, горе-колдуны не рассчитали своих сил. Явившиеся слуга истребляли все живое, отнюдь не делая исключения и для тех, кто призвал их в мир. В начавшейся заварухе две трети джейлева отряда бесславно полегло, и сам Джейль с неполным десятком бойцов еле унес ноги, караванщики погибли все до единого. Лежать бы в болоте и косточкам хитромудрой мистрисс Уэстмор, когда б не вмешательство слепого случая в лице Мак-Лауда с его спутником. Ральф до мяса сгрыз ногти, гадая, куда они могли податься затем. По какой дороге поехали? В Тулузу? Прямоком в Марсель, чтобы переправиться оттуда в Константинополь? В какую-нибудь безвестную деревушку на берегу Лионского залива, где их давно поджидает корабль?

Ральф безжалостно гонял своих людей по дорогам, собирая крупички сведений и убеждаясь: беглецы держат путь на

юг, в Тулузское графство. Первого октября, в день святого Реми, они находились в столице провинции... а затем опять пропали, как в воду канули. Подчиненные Джейля разыскали пастуха, вроде бы видевшего искомых людей, выехавших из Тулузы и направившихся на юг, в провинцию Редэ. Но их было уже трое – куда-то подевалась женщина, Изабель Уэстмор. Решив не ломать понапрасну голову над тем, что это означает, мессир Джейль кинулся по следу, приведшему его к подножию замка Ренн-ле-Шато. Его добыча вошла в ворота крепости. Рыжую девицу, если верить слухам, гулявшим по городку Куиза, доставили сюда несколькими днями ранее.

Как извлечь беглецов из-за стен Ренна, Джейль не знал. И опасался, что больше их не увидит – как только семейство де Транкавель, хозяева замка, узнают об архиве, они немедля приберут его к рукам. Если уже не прибрали.

Помощь пришла с совершенно неожиданной стороны. На пятый день своего безрадостного сидения в Куизе, когда Ральф совсем уж было собрался плюнуть на все, покинуть Редэ и двинуться в портовый Марсель по Виа Валерия, некий человек принес письмо. Деша весьма любезно уведомляла шевалье Ральфа Джейля о том, что, начиная с вечера 10 октября, преследуемых им людей следует ожидать в месте, указанном на приложенном чертеже – они выйдут из потайного хода в окрестностях Ренна. В числе прочего имущества у них наверняка будет архив, столь необходимый мессир-у Джейлю – точнее, представляемой им госпоже Элеоноре

Аквитанской. С людьми мессир Джейль может поступать по своему усмотрению, но добрый совет – поскорее покинуть пределы графства. Взамен при передаче драгоценных бумаг в руки ее величества упомянутый мессир Джейль обязуется уведомить королеву о том, что в замке Ренн у нее отныне имеется верный союзник, всецело разделяющий ее планы и замыслы. Возвращение наследства покойного Лоншана, таким образом, есть любезность, оказанная одним единомышленником другому.

В нижней трети листа красовалась убористая подпись – «Тьерри де Транкавель», заверенная оттиском печати Ренна, двумя переплетенными треугольниками. Ральф недоуменно хмыкнул, в который раз подумал, что до сих пор не представляет толком всего размаха замыслов своей предприимчивой госпожи... а лишний сторонник ей наверняка не помешает... и отправился со своими подчиненными в указанное место, приготовившись к ожиданию.

Предсказанное в письме сбылось в совершенной точности и в должное время. Благодаря любезности среднего де Транкавеля мессир Джейль теперь располагал всем архивом, пропавшим из Тауэра в суматохе августовских дней.

...Как же поступить с сэром Гисборном? На первый взгляд он предстает туповатым тяжелодумом, которому ничего не стоит заморочить голову. Сделать лицо позначительней, подкинуть пару намеков на сильных мира сего. Внушить дураку-рыцарю, что происходящее затрагивает инте-

ресы многих важных особ, что в гибели Мак-Лауда замешана высокая политика, что молчание и даже всяческое содействие Джейлю для него теперь – единственно правильный выбор. Пусть занимается полезным делом, зарабатывая прощение и обеляя свое честное имя. Ну, хотя бы приглядывается вкупе с остальными за Изабель – эта рыжюлька, похоже, та еще штучка, а от Безье до Марселя и от Марселя до Мессины путь неблизкий...

Ральф перестал вертеть в руках фибулу. Снаружи окончательно вступила в свои права октябрьская ночь – темная, с яркими и кажущимися такими близкими звездами. Самое время потолковать с пленниками об их нелегкой судьбе. Джейль давно усвоил: ночью человек особенно уязвим. Его клонит в сон, он утрачивает способность связно мыслить и говорит необдуманные слова.

Итак, решено. Смазливому итальянца – в расход, как только представится возможность, а рыцарь сейчас сам определит свою участь. И если шевалье Гисборн вдруг окажется строптивцем, что ж... навряд ли волки с воронами станут возражать, если в одну могилку с итальянцем ляжет англичанин.

Мессир Джейль выглянул в узкий полутемный коридор гостиницы и, окликнув бдевшего подле соседней двери караульного, велел привести к нему пленного рыцаря по имени Гай Гисборн.

Увы, толкового разговора с соотечественником у Джейля

не вышло. После всех треволнений последних недель, после жутковатого гостеприимства хозяев Ренн-ле-Шато и визитов наводящего оторопь «мессира де Гонтара», любые угрозы вкупе с заманчивыми посулами не вызывали у Гая ничего, кроме глухого раздражения. Джейль, кем бы он ни был, по сравнению с Железным Бертраном или таинственным де Гонтаром казался не более чем заурядным бандитом. Кому бы из королей этот тип не служил, Гисборн отнюдь не соби­рался ни играть в его грязные игры, ни, тем более, вступать с вероломным убийцей в какой бы то ни было сговор.

Посему английский рыцарь с порога обдал мессира Джейля презрительным ледяным высокомерием. Сперва Ральфа это не удивило и не задело: при желании он сам мог скроить не менее непроницаемую и надменную физиономию. Что он знает о тайнах Крестового похода, этот Гай Гисборн? Ровным счетом ничего. Только пыжится, уподобляясь жабе на болоте. Ничего, это пройдет. Даже самый тупоумный крестьянин не ошибется в выборе, коль скоро выбирать приходится между жизнью в почете и достатке или наспех вырытой безвестной ямой в придорожных кустах.

Однако беседа, скверно начавшись, и далее протекала в том же крайне неприятном ключе. В ответ на пропозиции Ральфа рыцарь, нимало не стесняясь в выражениях, высказал все, что думает о Джейле (вероломном мерзавце), его ремесле (гнусном), его методах (грязных) и его подчиненных (поголовно висельниках). Почему, собственно, он

должен безоглядно верить уверениям неведомого разбойника с большой дороги? Ах, у него есть письмо со своеручной подписью и печатью мадам Элеоноры? Да что вы говорите! Неужели это письмо дарует мессиру Ральфу Джейлю право безнаказанно грабить путников, пленять невинных и убивать исподтишка?! И вообще, надо еще подумать, кто здесь выступает чьим сторонником и кому предан сам мессир Ральф! Может статься, он давно куплен посланцами Константинополя – и докажите мне, что это не так! Своим грязным золотом и своей недостойной славой пусть мессир Ральф подавится, а угрозы свои вышеупомянутый мессир может засунуть себе... да-да, именно так, и желательно поглубже...

В глубине души Гай восхитился, какую складную и толковую речь произнес. Вот и мессир Ральф, сперва пытавшийся застрашать собеседника высокими покровителями и жуткими карами, под конец сделался молчалив и задумчив. Так что, когда Гисборн закончил свою гневную филиппику, он лишь сухо осведомился:

– Это все? Что ж, ты сказал, а я услышал. Увести!

– ...Ну, чего он хочет? – вскинулся Франческо, едва за Гаем закрылась дверь их временного узилища. – О чем спрашивал?..

– Сулил немереные почести от коронованных особ, если буду с ним заодно, – гордо расправил плечи рыцарь. – Грозился смертью, если откажусь. Подумать только, этот упырь

предлагал мне, потомственному дворянину, есть из одного котла со своими головорезами! Вместе с этими скользкими типами тащить вас на веревке в Марсель! Как, по-твоему, я должен был поступить?!

– Согласиться, конечно, – мрачно буркнула из своего угла Изабель Уэстмор. – Тогда бы мы имели своего человека в неприятельском стане и приличный шанс выжить. Надеюсь, твоя рыцарская честь не помешала тебе принять его благородное предложение?

Пару ударов сердца Гисборн немо тарачился на девицу Уэстмор. Потом, тяжело плюхнувшись на табурет, треснул себя по лбу и выругался от всей души.

* * *

«За всю жизнь со мной не происходило столько неприятностей, сколько за последний месяц!»

Такова была первая отчетливая мысль Дугала из клана Лаудов, уроженца малоизвестной деревушки Гленн-Финнан. К моменту, когда к нему частично вернулась способность здраво соображать, он сумел выкопаться из неглубокой могилы, устроенной для него подчиненными Джейля, отогнать нахального ворона, посчитавшего бездыханный труп своей законной добычей, и с трудом преодолеть сотню шагов в глубину распадка. Там он снова рухнул навзничь, с трудом втягивая холодный утренний воздух. Горло саднило так, будто с

него содрали кожу и нацепили раскаленный железный ошейник.

Второй, вполне закономерной мыслью, было: «Может, я все-таки умер?»

Доказательств истинности этого соображения – хоть отбавляй. Отчетливое воспоминание о двух ослепительных и обжигающих вспышках, после которых пришла непроглядная тьма. Окликавшие его в этой тьме голоса людей, умерших от его руки либо по его вине. Голоса звали за собой, обвиняли, требовали, грозили... Их заглушил рев пламени, сквозь который еле слышно пробивался отчаянный крик – вроде бы женщины?.. – звавшей на помощь. Она кричала: «Данни! Данни, где ты?» – и пронзительный вопль летел по пустым коридорам, отражаясь от стен и потолков. Он не мог найти ее в этом объятom огнем лабиринте дворов, галерей, переходов, бежал и знал, что опаздывает, безнадежно опаздывает...

– Еще не время, – мягко прошептал кто-то. Темнота ушла, и он очнулся – под тонким слоем земли, с присохшим к небу онемевшим языком и внутренностями, скрутившимися в тугой полыхающий комок.

Нет, на адские равнины (а Мак-Лауд честно полагал, что лучшего он вряд ли заслуживает) это место точно не походило. На райские кущи – тем более. Это была все та же долина в окрестностях замка Ренн-ле-Шато, поросшая сухим дробом и вереском. А вон и многочисленные следы конских

копыт, уводящие к полудню.

Стало быть, он жив?

Но люди не выживают, получив в упор две арбалетные стрелы! От такого выстрела не спасает и лучшая из кольчуг, от него не спасет ничто!

Однако он жив. Дышит, смотрит. Шевелится, пусть и с огромным трудом.

Или ему только кажется?

Господи Всемогуший, что же делать-то? Чему верить – глазам или доводам рассудка? Не слишком ли много испытаний для бедного грешного создания?

Так и не придя к определенному решению, Мак-Лауд попытался встать. Не удержался, упал. Снова поднялся на ноги. И захромал по тропе, ведомый более упрямством, нежели здравым смыслом.

Достигнув глинистого берега речки Сальсы, Дугал с плеском повалился в стылую воду. Напиться, как он мечтал, не удалось – горьковатая, как во всех реках Редэ, жидкость, обильно перемешавшись с желчью, немедля исторглась обратно. Удалось только с грехом пополам вымыться, выяснив неприглядную истину: из имущества ему оставили нижнюю рубаху вкупе со штанами. Побрезговали рваниной, испещренной вокруг ворота и на животе заскорузлыми пятнами крови. Задрав подол рубахи, Мак-Лауд какое-то время недоуменно пялился на появившийся шрам от арбалетного болта – звездообразный, еще сочащийся сукровицей, но уже начи-

навший затягиваться.

«Ральф, ты сволочь и паршивый мародер. Отомстил давнему врагу, это я могу понять. Но зачем было грабить покойника, то есть меня? Могли хотя бы сапоги оставить... Хотя сапоги – вещь ценная, полфлорина стоят, а покойнику вроде как и ни к чему... Ну как я теперь пойду – босиком по камням? Джейль, скотина, чем ты думал?! Да и куда мне идти в таком виде? Ни в одно приличное заведение не пустят... Бр-р, еще и холодно... Лучше бы я просто и незамысловато умер. Лежал бы в уютной могилке и не мучился...»

Глубокие выбоины, оставленные широкими копытами Фламандца, послужили самым надежным и точным указателем того, в какую сторону направились похитители и пленники. Дугал неуклюже хромал по следам, ощущая, как скрипят треснувшие ребра и ноют новые шишки, наставленные на прежние синяки. Хотелось пить, хотелось есть, но больше всего – прикончить виновника всех бедствий, Ральфа Джейля.

Солнце подбиралось к зениту, прогретый воздух стал немного теплее, а ходьба отвлекала от мрачных размышлений. К несказанному удивлению Мак-Лауда, саднящее горло болело все меньше. Начал возвращаться утраченный голос – правда, пока только в виде сипящего шепота. Любой другой на месте шотландца немедля возблагодарил бы Господа за его неизреченную милость. Дугал Мак-Лауд использовал вернувшийся дар речи для проклятий. Сначала – на голову

человеку, ставшего виной его нынешнего бедственного положения. Потом – самому себе. Казалось бы, за столько лет давно мог набраться ума и научиться отличать друзей от врагов, так ведь нет! Досталось и Гаю Гисборну – этому и вовсе ни за что. Разве только за компанию.

От поношений малых мира сего Дугал перешел к сильным. От души выругал покойного мэтра Лоншана – зачем тот уродился на свет таким жадным хапугой и почему позволил себя убить? Ее величество Элеонору Аквитанскую – за излишнее хитроумие, расплачиваться за которое должны несчастные исполнители. Маркграфа Конрада, блаженствовавшего в далеком солнечном Тире – неужели нельзя было поручить слежку за английским канцлером кому-нибудь другому? Короля Ричарда Львиное Сердце, императора Фридриха Барбароссу, султана Саладина – на кой им сдались все эти крестовые походы, что их мир не берет?..

Солнце пригревало все жарче. Мак-Лауд ковылял в сторону далекого Безье, бормоча проклятия и оставляя за собой извилистую цепочку окровавленных следов. Несколько раз, услышав скрип колес или торопливый перестук конских копыт, шотландец сворачивал с тракта и пережидал в укрытии, но по большей части дорога оставалась безлюдной. Робко чирикала в придорожных кустах какая-то птица. Камешки на дорогах Редэ немилосердно резали босые подошвы, и Дугалу все чаще приходила в голову мысль о том, что Спасителю в давние времена тоже приходилось несладко.

Дугал Мак-Лауд полагал, что Безье, куда он держит путь – всего лишь разросшаяся деревня. Когда же дорога одоле- ла последний холм и впереди открылся город в широкой до- лине, шотландец только озадаченно присвистнул. Безье про- цветал, доказательством чему служили возводимые на ме- сте бывшего земляного вала с частоколом каменные стены, множество черепичных и соломенных крыш, шпили церков- ных колоколен и общественных зданий... На первый, весьма приблизительный взгляд, в пределах города обитало не ме- нее десяти тысяч человек.

Безье окружало широкое кольцо предместий в садах и ви- ноградниках – из открытых дверей домов тянуло запахами готовящейся пищи, а собаки лениво брехали на запоздалого путника из-под ворот. К воротам Безье, согласно традициям и законам запирающимся на закате, шотландец добрался во- время. Еще час – и ожидать бы ему утра под стенами, лязгая зубами от холода и проклиная неповоротливость старой пе- гои клячи.

Животину, равно как и возок с наполненными мукой мешками, а также выдавший виды дерюжный балахон с ка- пюшоном, Мак-Лауд не совсем достойным путем позаим- ствовал у некоего ветхого днями виллана.

С повозкой он столкнулся в окрестностях города – та вы-

вернула с неприметной боковой дороги. Кобыла неспешно шлепала разбитыми копытами по проселку, ее хозяин клевал носом, убаюканный мерным скрипом колес и баклагой крепкого красного вина. Первой Мак-Лауда увидела лошадь, а уж ее испуганное фырканье разбудило седока – тот воззрился на явившееся «чудо» с изумлением, переходящим в панику, истошно заблажил и схватился за кнут.

Ужас обоих, и клячи, и виллана, был вполне понятен. Какое это – продрать глаза под вечер в пустынной местности и обнаружить, что с обочины к тебе тянет руку здоровенный, до синевы бледный мужик в окровавленной нижней рубаше, с безумными глазами и комьями земли в косматой гриве?! Да еще и сипит притом надрывно, будто неудавшийся висельник:

– Добрый человек, а добрый человек...

– Караул!!! – заорал почтенный селянин, наугад отмахиваясь истрепанным кнутом. – Спасите! Сгинь, рассыпья, нечистый!!! На по...

– ...Сам виноват, – бормотал Мак-Лауд, когда слегка придушенный и связанный собственным поясом виллан мирно упокоился в придорожных кустах. По расчетам шотландца, прийти в себя селянин должен был самое малое через час. Вопли жертвы, по счастью, остались никем не услышанными. – Я же честно хотел договориться по-хорошему. А ты меня кнутом. Свинья ты после этого, а не добрый католик... Полежи пока, не уходи далеко...

В мешочке за пазухой жертвы нашлось с десятков медных монеток, истертых долгим пользованием и равных по общей ценности, как решил Дугал, где-то одному привычному серебряному фартингу.

– Это не грабеж, а деяние во славу короны, – вздохнул он, устраиваясь на скрипучем передке возка. Пегая кобыла немного поупрямилась, чуя чужой запах, но, получив по спине поводьями, смирилась с судьбой и лениво поплелась дальше.

Удача не бывает беспредельной и полной – сапог у виллана не оказалось. Зато под сиденьем покоился свернутый балахон, превративший отважного воителя Хайленда в согбенного трудами дряхлого поселянина. Заодно вспомнилась слышанная где-то сплетня: якобы фидаи-ассасины Старца Горы довели искусство смены личин до такого совершенства, что способны обратить цветущего юнца в столетнего старика. Или в почтенную мать семейства. Куриальная Конгрегация по чрезвычайным делам тоже пыталась обучить своих конфиденентов подобным трюкам, но особых успехов не добились. Должно быть, из-за врожденного нежелания и неумения европейцев прикидываться чем-то иным.

При въезде в Безье рядящийся под престарелого виллана Дугал застал изрядный кавардак. Обычного для тихой, мирной провинции полусонного благодушия как не бывало. Во-первых, стражников на воротах оказалось непривычно много – самое малое десятка два. Во-вторых, никто не отлыни-

вал в караулке, не играл в кости и не считал ворон, все рьяно занимались делом, отчего по обе стороны ворот скопилась изрядная толпа. Как заметил шотландец, стражи порядка самым тщательным образом проверяли только что прибывших, особенное внимание уделяя группам из нескольких человек. Четверо стражников обыскивали телеги. У путешественников верхами требовали подорожные, а тех, кто собирался выехать из города, и вовсе разворачивали обратно. Толпа раздраженно гудела, подобно пчелиному улью, в котором поворостили палкой.

– Какого дьявола тут происходит?! – гневно вскричал один из всадников на породистом кауром жеребце, судя по одежде и оружию – состоятельный дворянин. Он и трое его спутников только что пытались покинуть Безье, но потерпели неудачу. Более того, похоже, что эти четверо как раз подходили под некое описание, данное городской страже – во всяком случае, стражники мурыжили их особенно долго, отобрав подорожные и перетряхнув сверху донизу седельные сумы. – Если к утру я не буду в Куизе, честь моего рода... Эй, десятник! Открывай эти чертовы ворота, пропусти нас! Проклятье, каждому даю ливр серебром!

Для вящей убедительности он потряс туго набитым кошельком. Как раз в этот момент Мак-Лауд, в очередной раз стегнув своего одра, пересек линию ворот. Двое караульных тут же принялись деловито шарить в его подводе, переворачивая и охлопывая чуть ли не каждый мешок, третий не спеша

двинулся к вознице. Дугал похолодел.

– Не могу, не велено, – хмуро отвечал стражник, бросив тоскливый взгляд на кожаный мешочек. – Приказ его светлости графа де Транкавеля – всех впускать, никого не выпускать до особого распоряжения...

Дворянин, однако, оказался не робкого десятка. Или его дела в Куизе и впрямь не терпели отлагательств.

– Да что это, в самом деле! – взревел он, двинув своего коня прямо на преграждающих путь стражников. Трое его спутников последовали примеру сюзерена, один даже выхватил из ножен меч, стражники наставили копья... Толпа заголосила, заворочалась, кто-то бросился бежать, кого-то сбили с ног. Вскипела мгновенная паника.

Те двое, что хозяйничали в телеге Мак-Лауда, поспешили на помощь своим братьям. Один из них походя прикрикнул на недотепу-крестьянина, застывшего с вожжами в руках:

– Что стал, дубина?! Ну, пошел, не до тебя!

Само собой, повторять дважды ему не пришлось.

...Итак, полдела сделано, думал шотландец. Он жив (разобраться бы еще, каким чудом!), он добрался до города, и пока что переменчивая Фортуна невероятно к нему благосклонна – ну, должно же быть хоть малое воздаяние за пережитые ужасы! Теперь нужно сообразить, как отыскать Джейля, а вместе с ним и всех остальных. Если, конечно, эта компания поспела в Безье прежде гонца из Ренна. И если задер-

жалась в городе, а не проследовала мимо.

«Думай, Дугал, думай. С ним семеро человек, да трое пленников, да дюжина лошадей – целая орава, нуждающаяся в пропитании и отдыхе. Пленников нужно где-то разместить, а поскольку среди них имеется весьма ценная добыча женского полу, то предоставить им хоть какое-то удобство. Значит, гостиница, причем вместительная. Окажись я в положении Ральфа, так бы и поступил. В средствах он явно не стеснен, выберет кабак почище... Так, где тут у нас постоянные дворы?»

Первый же встречный горожанин оказался не прочь поболтать и на все вопросы ответил исчерпывающе. Больших постоянных дворов, таких, чтоб можно было и кружку пива пропустить, и выспаться под крышей без особых неудобств, в Безье имелось не менее десятка. Ближайшие – «Конская голова» и «Белый бык». «Голова», что на Поперечной улице в южном конце города, поплотше, «Бык», стоящий по соседству с часовней святой Гизеллы, побогаче. Тебе, любезный, прямая дорога к «Конской голове», потому как медяков у тебя на «Быка» не хватит, и рожей ты, извиняюсь, не вышел, да к тому же к хозяину «Быка» нынешним вечером ввалились проезжие господа, числом не менее дюжины...

Сидевший на возке человек смиренно поблагодарил, стегнул клячу и отправился в сторону «Конской головы». Горожанин, пошедший своей дорогой, вскоре забыл о мимолетной встрече. В ней не было ничего, о чем стоило помнить

– поселянин из окрестной деревушки расспрашивал, где в Безье можно остановиться на ночлег. Судя по выговору и манере проглатывать окончания слов, собеседник был уроженцем северной части графства, откуда-то из-под Тулузы.

Дугал же, отъехав, мысленно вознес краткую, но горячую молитву Иисусу и Пресвятой Деве за сопутствующее ему везение.

Верно послужившую кобылу и телегу Мак-Лауд оставил подле общественной поилки для лошадей. К утру кляча обретет нового владельца – а если городские стражники достаточно честны и не пренебрегают своим долгом, то вернется к прежнему хозяину. Лошадь, пусть даже такая дряхлая, все равно остается большой ценностью, да и подвода с грузом муки дорогого стоит. Ограбленный старикан все окрестности перевернет в ее поисках.

Гостиница «Белый бык», над крыльцом коей болталась жестяная вывеска с изображением упомянутого животного и традиционный котелок, отыскалась довольно быстро. Словоохотливый горожанин не погрешил против истины – «Бык» располагался в двухэтажном доме, каменном снизу и деревянном сверху, с примыкающей слева конюшней. Даже не заглядывая внутрь, Дугал издалека услышал пронзительное злобное ржание, сопровождаемое ударами копыт о перегородку – серый жеребец по кличке Билах, забияка и редкостный стервец, высказывал свое недовольство миром. Надо думать, завтра же утром Джейль отделается от упрямой твари,

продал ту на живодерню.

Они были здесь, Мак-Лауд это нюхом чуял – мессир Ральф Джейль, его пленники и драгоценная добыча. Может быть, скрывались вон за теми подслеповатыми окошками на втором этаже, где тускло мерцали огоньки масляных светильников. Гисборна и его сотоварищей по несчастью наверняка заперли в отдельной комнате, приставив к дверям сменяющуюся охрану. Меди, позаимствованной у виллана, возможно, и хватит на оплату ужина в трактире, но – не стоит привлекать к себе лишнее внимание, придется поголодать. Засесть в густой тени, в тупичке, вон у того забора. Правда, тупичок отменно вонюч – не иначе, окрестные жители сливают там помои – зато туда не сунется даже самый ретивый патруль, а постоялый двор оттуда как на ладони. И ждать. Постояльцам вставать рано, ехать далеко и долго. Скоро они угомонятся.

«Интересно, – думал шотландец, пытаясь устроиться поудобнее среди мусорных куч и отгоняя навязчивое видение большого дымящегося куска мяса вкупе с наполненной элем кружкой, – что сейчас подделывает Железный Бертран? Наш побег он, конечно же, обнаружил, потому и закрыл город. Ох, не завидую я тем, кому доведется попасть под его горячую руку...»

– ...Что значит «пусты»?! Да ты понимаешь, что говоришь?!

На здоровенного детину по имени Гвиго, начальника стражи в замке Ренн, жалко было смотреть. Потупив взгляд, он переминался с ноги на ногу перед разъяренным Транкавелем, и его грубо слепленная физиономия попеременно то наливалась жарким багрянцем стыда, то стремительно белела от невыносимого ужаса. Железный Бертран мог нагнать страху на любого смельчака. Ну, или почти любого.

– Не извольте гневаться, ваша милость... – в очередной раз промямлил стражник. – Говорю, как есть, не прячу ж я их, в самом-то деле... Пусты их комнаты, как есть пусты, и сами они пропали, и трех коней с конюшни свели, только барахло кой-какое осталось... Не иначе, сбежали гости...

– Молчать, идиот! Из Ренна они могли бежать только в одном случае – если им помогли, и клянусь Богом, я дознаюсь, кто это был! – рявкнул Железный Бертран. – Поднять гарнизон по тревоге, обыскать в замке каждый уголок! Заменить стражу у обоих ворот, караул удвоить, лучников – на стены! Всех, кто стоял в карауле нынешней ночью, согнать во дворе, обыскать до нитки, их имущество перетряхнуть. У кого сыщется лишнее золото – тут же в кандалы и в допросную. Комнаты наших гостей запереть, приставить охрану, к

имуществу не прикасаться! Гонцы пусть седлают коней. Ка-
стеляна и библиотекаря немедленно сюда. Да, и отправь лю-
дей – пусть позовут ко мне Рамона и Тьерри, чем быстрее,
тем лучше. Все понял?

– Понял, ваша милость! – радостно гроыхнул Гвиго,
украдкой переведя дух – раз отдают приказы, значит, пря-
мо сейчас казнить не станут. – Осмелюсь спросить... а ваша
дочь?

– Ее тоже ко мне. Выполняй, черт тебя подери!..

Гвиго исчез за дверью.

Бертран де Транкавель, проводив его мрачным взглядом,
заложил руки за спину и принялся нервно расхаживать из уг-
ла в угол, время от времени останавливаясь у окна, выходя-
щего в замковый двор. Над Ренн-ле-Шато занимался ясный
рассвет, обещая погожий осенний день. В окно было вид-
но, как суетятся стражники, понукаемые разъяренным Гви-
го, как перепуганная челядь, побросав привычные ежеутрен-
ние хлопоты, прячется по своим каморкам – замок стал по-
хож на разворошенный муравейник.

В дверь боязливо постучались, однако то был не мэтр
Ансельмо, не кастелян и не один из отпрысков. Транка-
вель-старший недоуменно приподнял бровь, увидев вошед-
шего – Гиллем де Бланшфор был бледен, под глазами си-
нюшные круги, голова неумело замотана окровавленной
тряпицей.

– Ты почему здесь? – рыкнул Железный Бертран вместо

приветствия. Общество «мужа женовидного» граф де Транкавель терпел исключительно по необходимости. Какой ни есть, а все-таки родственник, братец супруги Рамона. Мессир Бертран, конечно, предпочел бы выставить эдакого родича за дверь и сталкиваться с ним раз в год по праздникам. Но Рамон, избравший Бланшфора-младшего в задушевные приятели, упрямылся, и Бертран махнул рукой – пес с вами, пусть душка Гиллем околачивается в Ренне, только на глаза попадается пореже. Относиться же к отпрыску семейства Бланшфоров сколько-нибудь уважительно у графа де Транкавеля не было ни желания, ни оснований. – Какого черта с тобой случилось?

– Ваша милость, выслушайте меня, – потрепанный красавчик начал разговор без обычного жеманства и лишних предисловий, что само по себе было удивления достойно. – Вчера после вечерни я и двое моих приятелей, Кристиан де Ланме и Монтеро д'А-Ниор, находились в Санктуарии. Признаюсь, мы сглупили – сцапали этого итальяшку, Франческо...

По мере того, как Гиллем де Бланшфор продолжал свой рассказ, излагая на диво коротко и ясно – не иначе, вследствие пережитого ночью шока – Бертран де Транкавель сперва присел на край стола, потом ощупью нашарил кресло и опустился в него, ни на миг не отводя глаз от бледной, как мел, физиономии рамонова прихвостня. Он ни разу не перебил и не задал ни одного вопроса. Все и так было ясно как

божий день.

Наконец де Бланшфор окончил свою речь. И, словно это послужило сигналом, стукнула дверь комнаты, пропуская Тьерри и Бланку, за которыми в коридоре маячили взволнованные лица. Начальник стражи, кастелян, мэтр Ансельмо. Все – кроме старшего сына, Рамона де Транкавеля.

Тьерри, завидев стоящего посреди комнаты Гиллема де Бланшфора, остановился, будто налетев на стену.

– Гвиго, – страшным, ледяным голосом сказал граф, – ты послал за моим старшим сыном?

– Так точно, ваша милость! – отозвался Гвиго. – Но он заперся у себя и не отвечает...

– Ломайте дверь! – Железный Бертран сорвался на крик. – Все вон отсюда! Я должен... – его лицо на мгновение передернулось, – должен побеседовать с моими детьми.

Призванные к ответу толпой вывалились в коридор, испытывая несказанное облегчение – расправа пока откладывалась. Старый хранитель книг даже осмелился пробормотать себе под нос нечто укоризненное – мол, дергают дряхлого человека спозаранку то туда, то сюда, а переходы-то в замке немалые...

Стоявшие бок о бок братец и сестрица виновными себя явно не ощущали и каяться в грехах не спешили. Скуластая физиономия Тьерри надежным щитом скрывала любые эмоции и переживания. Бланка выглядела удивленной и несколько встревоженной, но не более того. Она и заговори-

ла первой, беззастенчиво пользуясь правом отцовской любви:

– Грядет война с де Фуа? Иначе зачем наша гвардия носится по стенам, словно курицы с отрубленными головами?

– Она еще имеет нахальство спрашивать, что случилось, – процедил сквозь зубы Бертран и, не давая любимым отпрыскам опомниться, загромычал: – Это я должен у вас спрашивать, что случилось! О чем вы там шушукаетесь за моей спиной? Тьерри, будь любезен немедленно, внятно и честно объяснить, чем ты занимался вчера в подвалах! И, если твое объяснение мне не понравится, пеняй на себя! Я жду ответа!

– Я всего лишь помешал друзьям моего брата совершить очередную глупость, – даже напряженная обстановка не заставила Тьерри избавиться от привычки говорить медленно, растягивая каждое слово. – В конце концов, эта заезжая компания пока еще считалась нашими гостями, а не пленниками. Если при этом кое-кто пострадал, моей вины тут нет. К сожалению, и заслуги тоже. Я должен был проучить прихвостней Рамона гораздо раньше.

– Что ты делал *потом*? – с нажимом осведомился мессир Бертран. – И, кстати, чем *ты*, моя дорогая дочь, занималась минувшей ночью?

– Проводил гостей до их комнат, убедился, что они заперли за собой двери и пошел к себе, – с безмятежностью честного человека, коему нечего скрывать, отвечал любящий отпрыск. – Где и оставался до самого утра, когда ко мне

с воплями ворвался перепуганный Гвиго.

– А я весь вечер безвылазно сидела у Тьерри, читала его книги, – добавила Бланка. – Мне было скучно одной. И ночевала там же. Слуги могут подтвердить, если уж моему слову тут более не доверяют, – она оскорбленно вскинула подбородок, в точности копируя манеру старшего брата и отца.

– Так что все-таки стряслось? – повторил недавний вопрос сестры Тьерри де Транкавель.

Если бы взглядом можно было испепелять, от отпрысков Железного Бертрана остались бы только две кучки праха на чисто выскобленном полу. Весь жизненный опыт, все многолетнее знание людей господина Редэ вопияли о том, что сын и дочь преспокойно лгут ему прямо в глаза. Лгут – и не боятся, ибо ему не в чем обвинить. Внезапно он пожалел, что уже не в силах сорвать с лиц своих детей маски, за которыми они наловчились прятать от него свои мысли. А ведь он был уверен, что ему известен каждый шаг его отпрысков, каждое их слово и замысел... Кого он взрастил? Неужели настал тот день, когда собственная кровь осмелилась подняться против него?

Ну уж нет! Напрасно его детки надеются, что уверения в непричастности спасут их. Он вытряхнет из них правду. Любым способом. И начнет прямо сейчас.

– Тьерри, твоя лаконичность меня не устраивает, – месьир де Транкавель сумел взять себя в руки и успокоиться. – Попробуй еще раз, но подробнее. Можешь начать с твоего

визита в Санктуарий.

Дверь распахнулась без стука. Ввалившийся Гвиго, чья физиономия теперь приобрела интересный зеленоватый оттенок, с порога рухнул на колени, заблажив:

– Помилуйте, ваша светлость! Откуда мне было знать, что там творится!

– А теперь-то еще что? – с бесконечным терпением осведомился Тьерри, опередив недовольно нахмурившегося отца.

– Так мессир Рамон... – выдохнул начальник стражи, зашмурившись в ожидании карающей молнии с небес. – Мы дверь взломали, как было велено, а он там... Лежит и вроде как не дышит, а на полу повсюду кровь и блевотина... Мадам Идуанна, как заглянула, так сразу в обморок хлопнулась...

– Я ведь предупреждала, когда-нибудь он доиграется со своими алхимическими настояями да ведьминскими отварами, – прозвенела в наступившей тишине Бланка. Граф Редэ с такой силой стиснул пальцы на подлокотниках кресла, что твердое дерево жалобно затрещало.

– Под замок обоих, – свистящим полусшепотом распорядился он. – Запереть в Старой башне, приставить охрану, глаз не спускать... Молчать! – взревел он, увидев, что Бланка открывает рот.

Упрямую девицу гнев мессира Бертрана ничуть не испугал.

– Меня-то за что? – шумно возмущалась она всю дорогу

до Старой башни. – Я ведь вообще не при чем!

Тьерри молчал. Не оправдывался, не пытался взывать к отцовской справедливости. Просто молчал, глядя себе под ноги и крутя на пальце тяжелый старый перстень с ярким желтым камнем. Только когда за братом и сестрой захлопнулась толстая дверь, он соизволил разомкнуть уста:

– Тише, дорогая. Наша партия еще не закончена. Если я все верно рассчитал, наше заключение будет весьма недолгим.

* * *

После полуночи огни в окнах постоялого двора начали меркнуть один за другим. Из дверей, голося, вывалилась засидевшаяся допоздна компания местной молодежи и направилась вниз по улице. Еще с полчаса ходили туда-сюда слуги, прибиравшиеся в общей нижней зале. Наконец все затихло. Для верности Мак-Лауд выждал еще немного и поковылял в обход дома, ища плохо запертую дверь или перекосившуюся на петле ставню. Ужасно недоставало ножа. Свой собственный, с рукоятью оленьего рога, он потерял еще при попытке убить оборотня; заимствованный в Ренне отобрали паршивые мародеры Джейля. У ограбленного виллана нож, конечно же, имелся – кто ж выходит из дому без ножа? – но брать эту зазубренную полоску скверной стали на грубом деревянном черенке Мак-Лауд побрезговал, понадеявшись,

что вскоре разживется где-нибудь клинком получше. Не разжился.

Владелец постоянного двора, похоже, держал слуг и домоладцев в строгости. Двери надежно заложены изнутри засовами, обе половинки ставень заперты на крюки, а что хуже всего – вдоль улицы то и дело топотали патрули ночной стражи, числом не менее шести-семи человек, размахивая факелами и изображая неусыпную бдительность. Должно быть, Бертран Транкавель распорядился усилить дозоры.

Дугал мысленно пожелал всему без исключения Бешеному Семейству передохнуть от песьей водобоязни – и довольно хмыкнул, оценив внезапно возникшую идею. Волкодлака, значит, изловить собрались? Так будет вам волкодлак! Во всей красе! С клыками из пасти и железной шерстью на загривке!

...Нет ничего более раздражающего для человеческого уха, нежели занудливое тьяканье скучающей собаки, перемежаемое тонким надрывным воем. Псу нечем заняться, он сидит под окнами и выводит удручающую руладу, задрав лохматую морду к ночному небу... За долгие годы, проведенные в небезопасных странствиях и скитаниях, Дугал научился в совершенстве подражать кое-каким «голосам живой природы». Время от времени это умение оказывалось полезным: подать сигнал, например. Или выманить из надежного укрытия караульщика. Вот как сейчас.

В доме заскрипели половицы, послышались недовольные

голоса разбуженных собачьим лаем людей. Лязгнул отпираемый замок – этого звука шотландец ждал более всего. По двору заметались отблески: неся фонарь, вышел спотыкающийся в полусне мальчишка-служка. Вполголоса проклиная четвероногую тварь, принялся светить вокруг, разыскивая животное. Судя по невнятному бормотанию, бедной псине грозило немедленное утопление в навозной яме с предварительным обдиранием шкуры и четвертованием.

Гостиничный служка слишком поздно заметил выросшую рядом тень. Хозяйственно погасив упавшую на землю лампу, Дугал сгреб поверженного бедолагу за шиворот и отволлок подальше, на задворки гостиницы. На поясе у мальчишки болтался короткий нож, и Мак-Лауд на миг заколебался – как поступить? Прислуга «Белого быка» не сделала ему ничего дурного, просто случайно оказалась на дороге. Ладно, пусть валяется. Треснул он парня от души, и тот нескоро придет в себя. А опомнится, все равно ничего толком рассказать не сможет.

Переступив через порог и прикрыв за собой толстую дубовую дверь, шотландец угодил в мир привычных звуков и запахов. Дым очага, подгоревшее масло, хруст соломы под ногами... Ступеньки навверх, к комнатам постояльцев. Тускло освещенный чадающей лампой коридор, куда выходят четыре двери. Возле последней в тупике стоит скамья, на ней сидит и вполглаза дремлет, привалившись плечом к бревенчатой стене, некий коренастый лысоватый тип с короткой рыжей

бородой, обрамляющей бульдожью челюсть. Меч в ножнах прислонен к стене – только руку протянуть. На поясе длинный кинжал.

Дугал не знал имени караульного, зато с необыкновенной резкостью и точностью вспомнил иное. Сегодняшнее утро, свист арбалетного болта. Тьма, стиснутое огненной петлей горло. Именно этот человек из отряда Джейля стрелял в него. И, вероятно, именно он потом, обшарив мертвое тело, закидал его комьями земли.

Ну, я ж тебя, подумал Мак-Лауд, чувствуя, как в груди поднимается волна холодной ярости. А что – он его? С голыми руками на меч? До тупичка шагов десять, беззвучно не подберешься, стоит ступеньке скрипнуть – пиши пропало... Тут в голову шотландца пришла мысль, от которой Мак-Лауд, несмотря на драматическую ситуацию, едва не заржал в голос – и, единственно усилием воли сдерживая гнусное хихиканье, потянул через голову вонючий крестьянский балахон...

Одна из ступенек, конечно же, скрипнула – негромко, едва слышно, но стрелок Ральфа провел немало времени в военных походах и опасных делах, научившись моментально пробуждаться от любого шороха. Лысый вскинулся, правой рукой нашаривая рукоять лежавшего рядом клинка... и опешил, хрипя и вытаращив глаза так, что они походили на два сваренных вкрутую яйца.

К нему беззвучно приближался убитый сегодня утром

лохматый верзила – в той же изодранной в клочья рубахе, за-
скорузлой от крови по вороту и на боку, вокруг дыры, пробитой
тяжелым болтом. В ямке под кадыком бугрился жуткий
багрово-фиолетовый шрам, ноги были босы и окровавлены,
а давешний мертвец шел себе и шел не спеша, вытянув перед
собой руки со скрюченными пальцами. Шел и ухмылялся от
уха до уха. Почему-то жизнерадостный оскал выглядел го-
раздо страшнее, чем если бы явившийся из небытия призрак
завывал, грозя живьем забрать погубителя в адское пламя.

Стражник обратился в недвижимую мраморную статую, в
особенности напоминая оное изваяние цветом лица. Когда
же Дугалу оставалось до него всего пара шагов, злосчаст-
ный арбалетчик издал странный утробный стон, похожий на
гулкое «хооу-умм», с которым в болоте всплывает особенно
крупный пузырь, и мешковато свалился с лавки. Дугал едва
успел подхватить сомлевшего подручного Джейля прежде,
чем тот грянулся на пол – и скривился от шибанувшей в нос
вони.

– Ах, бедненький, весь испачкался... – брезгливо бурк-
нул шотландец. – Надеюсь, попомнишь ты эту ночку и свою
лихую стрельбу... Может, прирезать тебя, как ты того заслу-
живаешь? Да неохота руки марать... Черт с тобой, авось так
свихнешься...

Мак-Лауд пристроил обмякшее тело в углу и сунулся к
створке, охранявшейся лихим стрелком из арбалета. Она от-
крывалась наружу и была для верности подперта поленом.

Пленникам все равно некуда деться: через окно не вылезти, ибо крепкие ставни заперты снаружи, а ежели начнут звать на помощь либо попытаются вышибить дверь – подчиненные мессира Ральфа быстро призовут их к спокойствию.

Уже шагнув внутрь, Дугал сообразил – как бы сейчас верные соратники не испортили так удачно начатое дело своими воплями. Они ведь тоже справедливо полагают его усопшим. Если с перепугу рехнется лысый арбалетчик, то и поделом ему, а вот если подвинется умом ни в чем не повинный Гисборн или бедняга Франческо...

В комнате пленников еле тлел плавающий в плошке с жиром фитиль. Заслышав скрип открывающейся двери, прикорнувший у стола человек поднял голову. Лежавшая то ли на сундуке, то ли на широкой лавке фигура, с головой накрытая дорожным плащом, тоже зашевелилась – в темноте светлым овалом мелькнуло острое личико Изабель, вспыхнули отраженным светом две яркие точки глаз.

– *Dolce Madonna*, – потрясенный дрожащий голос, раздавшийся откуда-то снизу, принадлежал Франческо – оказывается, мальчишка устроился на полу. – Мессир Дугал?..

– Скорее, его воскресший неугомонный дух, – надежда Мак-Лауда на то, что сейчас он наконец впервые узрит испуганную мистрисс Уэстмор, не оправдалась. Самообладание рыжей девицы выковали из лучшей дамасской стали, закалив в крови сотен поверженных врагов. Если она и была ошеломлена явлением вроде бы сгинувшего навеки шотландца,

то на ее внешнем виде это никак не отразилась. Изабель бодро вскочила со своей лежанки, деловито осведомившись:

– Делаем ноги?

Единственным пораженным до глубины души человеком был милорд Гай Гисборн. Он так и остался сидеть, деревянно выпрямившись и уставившись на воскресшего из мертвых сотоварища. Когда же англичанин сумел заговорить, то прохрипел, заикаясь:

– Кх... ка-а... как?... Я ведь своими глазами видел...

– Ничего ты не видел, – отрезал Мак-Лауд. Ему пока что не хотелось обсуждать события сегодняшнего утра. Он бы предпочел все забыть – и молнии во мраке, и видение горящего дворца. – Идем. Добро, что у вас отобрали, придется пока оставить на память Джейлю. Надо побыстрее убираться отсюда – и из трактира, и из Безье. Бертран Транкавель в городе. Он ищет нас. Гай, давай ты потом всласть поудишься, а?

– Без денег, лошадей и оружия мы далеко не уйдем, – как всегда случалось в моменты волнения, усилившийся акцент Франческо превратил его речь в мешанину бессмысленных звуков. С трудом взяв себя в руки, итальянец повторил фразу – теперь уже более разборчиво.

– Верно, – закивал Дугал, затаскивая в комнату бесчувственного стрелка. – Не уйдем. Но все равно попытаемся. Иначе, уж поверь, никто из вас не доживет до завтрашнего полудня. Кроме разве что мистрисс Изабель.

Упомянутая дама нетерпеливо топталась подле дверей, выглядывая в опустевший коридор. Шотландец, склонившись над благоухающим ароматами отхожего места арбалетчиком, принялся стаскивать с поверженного врага добротные сапоги воловьей кожи и потрепанный колет.

– Малы, чтоб тебя вспучило...

– Дугал, что ты делаешь? – примороженным голосом поинтересовался Гай.

– Собираю трофеи, – обувшись и одевшись, Мак-Лауд позаимствовал у не справившегося с обязанностями стража меч и кинжал – швырнув последний сэру Гисборну. – Пошли. Только очень, очень тихо.

Четыре человека поочередно выскользнули в коридор. Спустились по лестнице, тщетно стараясь прикинуться бестелесными призраками и не скрипеть ступеньками. У более легких на ногу Франческо и Изабель это получилось, у Гая и Мак-Лауда – не очень. Притворенную дверь во двор никто не запер – стало быть, оглушенный шотландцем служка по-прежнему валялся под стеной конюшни.

– Давайте хоть лошадей сведем! – зашипела Изабель, оказавшись на улице и переведа дух.

– Как? – сирым полупшепотом откликнулся Дугал. – Нет уж, топайте за мной и не спорьте.

– Куда, собственно, ты нас тащишь? – Гай окончательно смирился с присутствием ожившего Мак-Лауда, задав вполне разумный, хотя и несколько несвоевременный вопрос.

– К друзьям, – пропыхтел шотландец, трусая через обширный двор к воротам. Спасенные торопились следом, косясь по сторонам в ожидании внезапной напасти. – К таким друзьям, что молятся кошельку вместо креста... Шепнешь им нужное словечко, и тоже станешь их верным приятелем до окончания времен... А, чтоб вам всем провалиться!

Судьба, как известно, обожает злые шутки. Именно в этот момент, не раньше и не позже, напротив «Белого быка» остановился ночной патруль. Факелы в руках стражников выхватили из темноты группку крадущихся через двор людей. С наступлением темноты, как известно, все добрые горожане сидят по домам, а шастают только воры, разбойники да ночная стража. Посему старшина патруля с сознанием честно выполненного долга оглушительно гаркнул:

– А ну, стоять на месте! Стоять, кому сказано!

Изабель, державшаяся позади, немедленно попятилась в полосу густой тени, таща за собой Франческо. Сэру Гисборну, всегда уповавшему на защиту закона, на мгновение показалось, что сдать городской страже – не самый плохой выход. Рассказать о происках Ральфа Джейля и Транкавелей, попросить убежища...

Разумные планы ноттингамского рыцаря оказались в мгновение ока порушены его лихим компаньоном, оскалившимся навроде озлобленного пса и без лишних раздумий кинувшегося на ближайшего стражника. Прежде чем Гай успел вмешаться, шотландец уже сбил с ног двоих или троих до-

зорных, вырвал из чих-то рук копьё и завертел его смертоносным колесом. Охранители покоя мирного города Безье, привыкшие ловить обычных домушников и никак не ожидавшие столкновения с полоумным убийцей, в ужасе попятнулись. Двое, забывшие поглядывать по сторонам, оказались затылками к Гаю. Со вздохом сожаления англичанин сгреб блюстителей за отвороты колетов и как следует столкнул головами.

«Долго не продержимся», – в окнах гостиницы, как краем глаза отметил Гай, заметались тусклые огоньки свечей. Что самое досадное, вспыхнули они и на втором этаже, в комнатах, занятых отрядом Джейля. Хлопнула распахнувшаяся дверь – привлеченные шумом и криками во дворе, наружу выбегали постояльцы. Еще немного, и вокруг будет не протолкнуться от зевак и доброхотов, желающих принять участие в поимке злоумышленников. К стражникам непременно пожалует подкрепление, и что тогда?

Конец стычке положило неожиданное вмешательство со стороны. Двустворчатая дверь конюшен распахнулась, и во двор с топотом и ржанием ворвались напуганные чем-то лошади постояльцев. В мельтешении людей и животных Гай потерял шотландца, зато рядом неизвестно откуда возник Франческо, мертвой хваткой вцепившийся ему в рукав и завопивший:

– Бежим!

«Я не могу бросить соратника в беде», – хотел было ска-

зять Гай. Но тут живой, хоть и еле держащийся на ногах Мак-Лауд вывалился на него из общей суматохи, хрипло бормоча:

– Сматываемся, сматываемся!

Они юркнули в узкий темный лаз между двумя соседствующими стенками, едва не сбив с ног притаившуюся там Изабель. Замыкавший тактическое отступление Гай бросил прощальный взгляд за плечо – и ему показалось, что в охватившей гостиничный двор сумятице он заметил шевалье Джейля. Стоя у крыльца «Белого быка», тот с яростной досадой выговаривал что-то троице своих подчиненных. Потом их загородила брыкающаяся лошадь, а сэр Гисборн кинулся вслед сотоварищам, карабкавшимся на невысокую каменную стену постоялого двора.

Глава вторая

Вопросы и ответы

12 октября.

В косо падающем сквозь прохудившуюся крышу солнечном луче кружили пылинки. Гай уже с четверть часа бездумно созерцал танец крохотных частиц сенной трухи, в который раз устало поражаясь переменчивости людской судьбы. Как, оказывается, просто сделать из посвященного рыцаря, наследника не самых бедных владений, побирающего бродягу без единого пенни в кармане! Единственная ценная вещь, коей обладает этот нищий – ворованный кинжал. Можно попытаться продать в оружейную лавку. Если хозяин впустит. Ах да, еще болтающаяся на шее серебряная ладанка, якобы с частицей Истинного Креста, в незапамятные времена купленная кем-то из предков и передаваемая владельцами манора Локсли по наследству. Гай стал ее обладателем года три назад, когда покинул домашние владения и перебрался в Лондон, ко двору принца Джона. Нет, талисман он продавать не станет – разве что уж совсем припрет и другого выхода не останется.

Внизу затопталась и шумно вздохнула лошадь. Гай при-

слушался – не идет ли хозяин конюшни, на чьем сеновале они обосновались без всякого на то дозволения. Мысль спрятаться где-нибудь и дожидаться утра пришла в головы беглецам сразу же, как только они оказались на улице, соседней с недоброй памяти «Белым быком». Во-первых, немедленно выяснилось, что Мак-Лауд с трудом передвигает ноги и вот-вот потеряет сознание – весь остаток его сил ушел на драку с ночной стражей. Во-вторых, беготня по ночным улицам незнакомого города не приведет ни к чему хорошему. Еще одной стычки с патрулем или, не приведи Господь, людьми Бертрана Транкавеля им не пережить.

Гаю и Франческо выпало удерживать шотландца от падения, Изабель – искать убежище. Рыжая девица справилась с возложенным на нее поручением столь ловко, что Гай в очередной раз задумался над сложностью жизни торгового сословия. Чопорная мистрисс Уэстмор быстро перелезла через забор и вскоре высунулась, вполголоса сообщив – она нашла приставную лестницу, ведущую на сеновал.

Самым трудным оказалось не перебраться самим, а втащить висящего неподъемным мешком Мак-Лауда – сначала через ограду, а потом поднять наверх по хлипкой, сколоченной из горбыля лесенке. Но нужда заставит преодолеть любые препятствия, и они все же забрались в тесное пространство, пропахшее слежавшимся сеном и мышинными гнездами.

Дугал немедленно рухнул там, где стоял, заснув воистину

мертвым сном. Гаю даже порой казалось, что шотландец не дышит. Мистрисс Изабель развернула запасливо прихваченный с собой дорожный плащ и накрыла им лежащего между сенных охапок человека. Присела рядом, буркнув: «Чихала я на приличия, мне холодно», свернулась, подтянув колени к подбородку, и тоже задремала. На Франческо, похоже, накатил черная меланхолия. Итальянец забрался в дальний угол и долго возился там, душераздирающе вздыхая и бормоча про себя. Воспользоваться моментом и передохнуть он так и не захотел. Поведать, что его беспокоит, не решился.

Сэру Гисборну, впрочем, хватало собственных удручающих размышлений. Он так и просидел до первых рассветных лучей солнца, пытаясь осознать происходящие с ними события.

Более всего Гай сожалел об утраченном боевом жеребце по кличке Фламандец, за коего некогда выложил круглую сумму. Затем – об отнятом оружии и потерянном самоуважении. Он не сумел оправдать оказанное ему доверие, провалил поручение и упустил ценнейшую вещь, силой обстоятельств саму упавшую ему в руки. Конечно, от него зависело немного, но друзья и покровители ему доверяли, на него полагались – и что в итоге? Полный провал во всех смыслах. Хоть возвращайся домой и сиди там до конца жизни, не осмеливаясь никому показываться на глаза.

Другим вопросом, на который милорд Гисборн не находил приемлемого и сколько-нибудь разумного ответа, было вне-

запное появление усопшего компаньона. Гай мог поклясться спасением души и отцовским наследством, что Дугал Мак-Лауд окончил дни свои в злосчастной долинке неподалеку от замка Ренн. Да, порой люди выживают после самых невероятных ранений, но невозможно остаться в живых, приняв две пущенные в упор арбалетные стрелы! Может, на самом деле лежащий вон там человек не Дугал? А кто? Неупокоенный дух, как заявила мистрисс Уэстмор? Такое случается, Гай собственными ушами слышал подобные истории. Промыслом Господним люди, ушедшие из жизни до срока, возвращаются в мир живущих – дабы исполнить свой долг или осуществить незаконченное дело. Где-то около Кентербери недавно приключилось нечто похожее... Или не в Кентербери, а в Ковентри?

А если они все-таки ошиблись, и Дугал не умирал? Первое, что нужно сделать, когда шотландец придет в себя – спросить его как следует!

Промаявшийся бессонно до самого утра мессир Бернадоне вылез из своего закутка, весь облепленный мякиной. Молча обозрев себя, он скорбно вздохнул и взялся отряхиваться – без особого, впрочем, усердия, скорее из привычки к аккуратности.

Гаю захотелось слегка расшевелить попутчика. Вспомнив загадочную обмолвку шотландца, он спросил:

– Франческо, кто молится кошельку?

– Евреи-ростовщики, – уныло откликнулся Франческо. –

Монахи на моей очень далекой отсюда родине. Это старая и не слишком-то достойная шутка, мессир Гай.

– А еще? – не отставал ноттингамец. – Я не шучу, я серьезно говорю!

– Еще так злословят глупые и недалёковидные люди, желающие изведать на своей шкуре гнев рыцарей Храма, – язвительно сообщила проснувшаяся госпожа Уэстмор, зевая и прикрывая рот ладонью. – Нейдется с утра, сэръ рыцарь?

Мак-Лауда голоса и дневной свет ничуть не обеспокоили. Он продолжал лежать пластом, в точности похожий на мертвеца, и лишь мерное дыхание обнаруживало в шотландце признаки жизни.

– Погоди-ка... Ты говоришь о тамплиерах? Разве в Безье есть прецептория Ордена? – удивился Гай Гисборн, привыкший, что на Британских островах храмовники располагают свои владения либо в больших городах, либо в портах на побережье, чтобы оказаться поближе к сосредоточию торговых и денежных дел.

– Есть, – кивнул Франческо. – Мне рассказывали. Правда, где именно, я не знаю. Зачем вам храмовники, мессир Гай?

– Вроде бы Дугал намеревался отвести нас туда. Может быть, еще и отведет. Если сможет идти, конечно, – ноттингамец пробрался к прикрытому хлипкой дощатой дверцей квадратному окну сеновала и выглянул наружу. Лестница за ночь никуда не делась. По маленькому грязному двору разгуливала стайка пестрых кур и черная коза.

Стоя спиной к девице Уэстмор и итальянцу, Гай не мог видеть выражений, появившихся на их лицах. Изабель раздраженно скривилась, Франческо же виновато отвел глаза, будто его уличили в некоем крайне неблагоприятном поступке. Однако, заговорив, Изабель ничем не выдала испытываемых ею чувств:

– Попросить помощи у рыцарей Храма? Неплохая мысль. При одном условии – если они не боятся ссориться с Транкавелями. Ведь господа Ренна наверняка полагают нас своей законной добычей.

– Мало ли кто что полагает. Вот шевалье Джейль тоже полагал, – Гай обернулся, опершись спиной об стену, и внимательно посмотрел на девицу Уэстмор. – Кстати, мистрисс Изабель... Вас не затруднит объяснить, отчего вы столь рьяно выставляли шевалье Джейля едва ли не врагом рода человеческого, а он вдруг оказался преданным сторонником глубоко чтимой мною госпожи Элеоноры Аквитанской?

– А вас, сэръ рыцарь, не затруднит объяснить, с чего вы взяли, будто Джейль – человек королевы? – дернула острым плечом рыжая девица.

– Он мне так сказал, – опешил Гай. – Даже пергамент показал, со своеручной подписью ее величества и печатью...

– В славном городе Париже есть квартал Марэ, – задумчиво сообщила Изабель, накручивая на палец длинную рыжую прядь. – В квартале Марэ есть улица святой Сусанны, а на этой улице обитает некий умелец, способный за пристойное

вознаграждение написать буллу Папы Римского, в коей будет указано, что Папа публично признает вас своим незаконно-рожденным сыном. И уверяю вас, милорд, даже сам первосвященник затруднится сказать, его подпись стоит на документе или не его. Документы, любезный сэр Гай, подделываются с легкостью необыкновенной. Особенно если вы не стеснены в средствах.

– Еще того чище, – пробормотал Гисборн. – Не верь глазам своим и словам чужим – это понятно. Теперь выходит, что бумагам с печатями тоже доверять не след... Чему ж тогда верить, хотел бы я знать? Проклятье, а почему я должен верить тебе?

– Ну, чему и кому верить – это уж вы решайте сами для себя, Гай, – неожиданно мягко откликнулась Изабель. – Лично я в трудных случаях полагаюсь на наитие, и оно редко подводит... Что касается нашего вероломного шевалье – признаюсь, два-три месяца назад я была твердо убеждена, что мессир Ральф – вернейший и преданнейший клеврет покойного канцлера. У меня имелись доказательства и свидетельства людей, заслуживавших доверия. А теперь, после смерти хозяина – не знаю. Может, он из стаи ловчих псов Филиппа-Августа? Или, если поднимать ставки выше – служит Константинополю?..

Внимательно слушавший Франческо недоверчиво присвистнул, заявив:

– Да полно вам, монна Изабелла. У этого Джейля на лице

написано – он родился в Нормандии или в Британии!

– Какая разница, где кто родился, – резким взмахом кисти отмела возражения рыжая девица. – Главное – кто кому платит. Помяните мое слово, уедет ваш драгоценный архив к императорскому двору!

Гаю очень хотелось спросить, каким образом пропавший архив угодил к самой госпоже Уэстмор, но тут ему вспомнился гонец с посланием от принца Джона, догнавший его и Мак-Лауда в Туре. Принц и Годфри Клиффорд тоже считали возможными похитителями византийцев, мало того – указали приметы их вероятного предводителя. В послании, помнится, давалось весьма условное описание – уроженец Аквитании двадцати пяти лет от роду, блондин с серыми или голубыми глазами... Чем не Ральф Джейль?

– Как пить дать уедет, если мы не помешаем, – хриплый шепот заставил всех вздрогнуть.

Мак-Лауд с трудом поднял взлохмаченную голову, уставившись на верных соратников воспаленными глазами. Выглядел он скверно – почти как в Ренне, после неудачной охоты на волка-оборотня, если не хуже.

– Хитрый и везучий ублюдок, – продолжал шотландец. – Всех, всех обвел вокруг пальца... Небось пылит сейчас по дороге на Марсель, только пятки сверкают... А мы торчим по его милости на конюшне, как последние нищелюды! Поймаю – всю задницу распиною!

Мак-Лауд подтянулся на руках и сел. Даже это усилие да-

лось ему нелегко.

– Смотрите-ка, полумертвое воплощение Кухулина изволило ожить и снова грозитя жуткими карами, – не удержалась девица Уэстмор. – Ну, теперь всем нашим врагам точно крышка. Я бы на месте Джейля заранее повесилась.

– Ехидная ты стерва, – просипел Мак-Лауд. – А ведь, между прочим, жизнью мне обязана. Не понимаю, что заставляет меня терпеть твое ядовитое общество?

– Я рад, что ты пришел в себя, Дугал, – сердечно сказал Гай. – Мы все рады. Мистрисс Уэстмор тоже, но стесняется в этом признаться и скрывает свои подлинные чувства за привычным сарказмом. Верно я говорю, мистрисс Уэстмор?

Изабель скроила кислую гримаску.

– Радость моя безгранична, – произнесла она стеклянным голосом.

– Мы как раз затеяли что-то вроде срывания масок, – Гисборн, оттолкнувшись от стены, прошелся взад-вперед в солнечном луче, через безостановочную пляску пылинок. – Изабель, которая, как ты недавно обмолвился, знает все про всех, утверждает, что Джейль – шпион византийского императора, а рескрипт королевы Элеоноры у него поддельный. Я не знаю...

Он прервался, недоуменно воззрившись на Дугала. С шотландцем творилось что-то неладное. Мак-Лауд сипло перхал, размахивал руками и мотал головой. Гисборн далеко не сразу понял, что кельт смеется.

– Чему ты радуешься? – уязвленно осведомился Гай. – Хочешь сказать, Ральф Джейль не имеет никакого отношения к Константинополю?

– Имеет... самое прямое... – просипел шотландец, все еще не в силах справиться с хохотом. – Джейль – византийский шпион... Bravo, женщина! Брависсимо! Нет-нет, Гай, не обращай на меня внимания. Все так и есть. Джейль трудится в пользу Комниных, это истинная правда. Кто бы тебя ни спросил, так и отвечай: Ральф Джейль – византийский лазутчик, поганый убийца и похититель невинных девиц.

– Вот как? – Гай нахмурился. Прямодушный англичанин не любил, когда с ним играли втемную, и тем паче, когда над ним потешались. – Тогда, может быть, расскажешь наконец про себя? Какой такой славой ты просил поделиться этого сукина сына? Кому служишь ты?

Шотландец резко посерьезнел. Вопреки ожиданиям, англичанин получил точный и недвусмысленный ответ:

– Хитромудрой Элинор, да благословит Господь ее начинания и ее друзей. Чтобы уж сразу все прояснить, Гай: мы с Джейлем служили одному господину, вернее сказать, госпоже. И в этой истории с архивом должны были быть заодно. Но, видит Бог, нынче Ральф встал на кривую дорожку, и она не доведет его до добра. Боюсь, скоро конец его везению. И... прости, что втянул тебя во всю эту грязь.

– Ты меня не втягивал, я сам втянулся. А что за старые счета меж вами? – почувствовав, что настал тот редкий слу-

чай, когда Дугал говорит правду, Гай твердо решил выяснить все до конца. – Что он имел в виду, когда орал «Теперь мы квиты!» там, в ущелье?

– Тебе непременно хочется это знать? Именно сейчас? – скривился шотландец.

– Да! – почти в полный голос рявкнул сэр Гисборн.

– Что ж, раз тебе невтерпеж... Лет десять назад я стал виновником гибели его семьи, – нехотя сообщил Дугал. – Покойный отец мессира Джейля был шерифом английской короны в Дингуолле – это неподалеку от моих родных краев. Джейль-старший придерживался той идеи, что для поддержания спокойствия и порядка нет средства лучше доброй плахи и крепкой веревки. Однако во всем надо знать меру, а господин шериф этой меры ведать не хотел. Вскоре чаша терпения его подданных переполнилась. Вспыхнул бунт, в котором я был одним из зачинщиков. Дом Джейлей сожгли, семья и близкие разделили участь главы семейства. Мне казалось, я защищаю интересы моей страны и моего народа, я не хотел безвинных жертв, и мне действительно жаль – но бунт есть бунт. Это как лесной пожар: легко начать, но управлять невозможно. Ральфу тогда повезло – он уцелел.

– Тогда его злорада вполне объяснима, – после долгой паузы признала Изабель. Мак-Лауд едко хмыкнул:

– Ненависть – как хорошее вино. Чем старше, тем крепче. Но теперь-то, полагаю, мы и впрямь квиты. Если тебя это порадует, скажу еще – главарей того мятежа схватили и суди-

ли. Двоих повесили в Ньюкасле, один сумел бежать. И бегаёт до сих пор, никак остановиться не может, – последнее было добавлено с изрядной горечью.

«Что-то подобное я и подозревал, – кивнул про себя англичанин. – Вечно от этой Шотландии сплошное беспокойство и никакого проку. А про Дингуольский мятеж, помнится, я краем уха слышал: скотты тогда изрядно пошумели, возмутив едва ли не весь север Острова».

– Горец-бунтовщик верой и правдой служит английской королеве? – недоверчиво спросил Франческо.

– Свет видывал и более странные союзы, – пожал плечами Дугал. – Времена меняются. Мы меняемся вместе с ними.

– Значит, тогда, на причале в Дувре, ты вовсе не устраивал Лоншану побег с Острова? – разрозненная мозаика стремительно обретала законченные очертания, все кусочки со звонким щелканьем занимали положенные им места. – А если бы тебя казнили заодно с твоим хозяином?

– Кила бы у них выпала – меня казнить, извините, мистрисс Изабель, на грубом слове, – Мак-Лауд снова глухо закашлялся. – Нет, Гай, побег я не устраивал. Я знал, что у архива канцлера выросли длинные ноги и он убегает, но понятия не имел, кто именно прибрал его к рукам. Что же до его милости Лоншана, я хотел заморочить ему голову и без лишнего шума доставить на Сицилию, Элеоноре Пуату. Но раз уж вашими стараниями карлика вздернули – знать, судьба.

– Сколь многого не ведаем мы о ближних своих... – бурк-

нул Гисборн. – Я уж теперь и не знаю, как к тебе обращаться. Тебя действительно зовут Дугал Мак-Лауд или иначе?

– Крестили Дугалом, – слабо улыбнулся кельт.

– Осталась самая малость, – с самым грозным видом Гисборн повернулся к Изабель Уэстмор. Рыжая девица ответила ему безмятежным до полной прозрачности взглядом. – Две маски из трех сняты. А кем будете *вы* в этом раскладе, драгоценная мистрисс Изабель? Советую отвечать.

– А мне на ваши советы, сэръ рыцарь, свысока плевать, – дернула плечиком ехидная девица. – Я – свободная горожанка из города Бристоля, торговка и полноправная представительница торгового дома «Уэстморы: Найджел, Наследник и Компаньоны». Сверх того ни словечка не скажу, пока не сочту нужным. Вы, простите великодушно, не того полета птица, чтобы давать вам отчет. К тому же вы выбрали неудачное место и время для своего дознания. Кажется, сюда кто-то идет. Дай Бог, чтобы это не были сыновья конюха с вилами наперевес.

* * *

– Есть хочется, – капризно заявила Изабель, когда четверо беглецов покинули временное пристанище, счастливо избегнув нежелательных встреч. – Дугал, вроде бы в твоём кошеле звенело с десяток пенни? Подождите меня здесь. Пойду, куплю чего-нибудь съестного, а заодно расспрошу доро-

гу к прецептории.

Выяснение отношений до поры до времени пришлось отложить. Мак-Лауда опять пришлось поддерживать с двух сторон: все его старания идти самостоятельно заканчивались плачевным падением. В конце концов Гай, обозлившись, назвал компаньона паршивым упрямым ослом, и тот смирился с новой для него ролью обузы.

Вернулась девица весьма озабоченной – и с тряпочным свертком, в коем обнаружили еще теплые пирожки, честно поделенные между собратями по несчастью. Мак-Лауду, как раненому и болящему, достался еще глиняный кувшин с молоком – каковое молоко Дугал покорно выпил, скривив при этом страдальческую физиономию.

Жуя, мистрисс Уэстмор делилась узанным: несколько зданий, принадлежащих Ордену, располагаются в полуденной части города. Чтобы добраться туда, нужно пересечь почти весь Безье. Собеседник заодно поделился потрясающей новостью: ночью один из патрулей едва не изловил волкодлака. Проклятая тварь шаталась в окрестностях трактира «Белый бык» и напала на мальчишку-прислужника, однако загрызть не успела – вмешались доблестные блюстители. Теперь городская стража засела в трактире, выпивая за здоровье друг друга и похваляясь выказанной доблестью.

– Этот горожанин как-то странно на меня пялился, – закончила свой рассказ Изабель. – Боюсь, как бы мессир Бертран не повелел кричать наши приметы на рыночной площа-

ди, назначив щедрое вознаграждение за голову...

То путешествие через городок Безье Гай Гисборн впоследствии предпочитал не вспоминать. Опасаясь показываться на улицах, они крались закоулками, через помойные ямы и вонючие задворки овчарен и хлевов. На задах какого-то трактира к ним привязалась свора бродячих псов. Проклятые шавки напасть не решались, благо Гисборн то и дело останавливался и отмахивался подобранной палкой, но неотвязно тащились следом и подняли такой лай, что услышали бы, пожалуй, аж в Куизе. Перебираясь по шаткой доске через сточную канаву, Франческо поскользнулся и упал, вымазавшись по уши. Девушка Изабель зацепилась за ржавый крюк подолом платья, тут же украсившимся длинной прорехой. В довершение бедствий они спутали повороты и долго искали нужную улицу, а Мак-Лауду явственно становилось все хуже, хотя он изо всех сил старался этого не показывать.

...Преодолев все вышеозначенные мытарства, около седьмого часу дня¹ беглецы стояли перед низкой въездной аркой угрюмого и неприступного с виду дома, сложенного из серого с желтыми прожилками гранита. В глубине арки темнели наглухо запертые ворота, над замковым камнем осенний ве-

¹ Речь идет о т.н. «монастырских часах». Термины «Полунощница/Бдение» соответствуют 23–3 часам ночи, «Хвалитны/Заутреня» – 4–5 утра (рассвету), «Час первый» – 6–7 утра, «Час третий» – 9–10 утра, «Час шестый» – полудню, «Час девятый» – 14–15 часам дня, «Вечерня» – 17–18 часам (закату), «Повечерие» – 20 часам вечера. «Монастырские часы» зависят от времени года и времени восхода и заката солнца в каждой конкретной местности.

терок слегка покачивал знамя, сшитое из черного и белого полотнищ. Сбоку от ворот Франческо обнаружил длинную цепочку с кольцом и, вопросительно глянув на спутников, несколько раз дернул за нее. Где-то в глубинах дома призывно забрякал колокольчик.

– Гай, скажешь прислужнику – «Черное, белое и золотое», – прохрипел шотландец, обессиленно привалившись к стене. Сэр Гисборн хотел переспросить, опасаясь, что не расслышал условной фразы в точности, как в темных досках внезапно разверзлось тщательно замаскированное круглое оконце и сиплый голос равнодушно осведомился:

– Кто, к кому, по какому делу?

– Черное, белое и золотое, – значительным голосом проговорил англичанин слова пароля.

За воротами воцарилось удивленное молчание. Потом оконце мрачно хрюкнуло:

– Ну?

Гай озадаченно оглянулся на Франческо. Франческо, подняв брови, посмотрел на Изабель. Та пожалала плечами и ткнула большим пальцем в Мак-Лауда: мол, все вопросы к нему.

– Может, ваше произношение в этих краях не понимают? – предположила девица. – Сэр рыцарь, повторите еще раз, да повнятнее!

Гисборн наклонился к самому окошку – и оказался нос к носу с жуткой небритой ряшкой, чьи тугие щеки заполнили оконце едва не целиком. Маленькие сонные глазки смотрели

на ноттингамца безо всякого выражения.

– *Черное, белое и золотое*, – чуть ли не по слогам произнес Гай прямо в эти глазки, морщась от исторгаемого привратником чесночно-пивного «аромата».

– Ну? – опять прогудела рожа.

– Тупой, что ли?! – не выдержала мистрисс Уэстмор, нетерпеливо отпихивая Гисборна и сама просовываясь к глазку. – Послушай, милейший! Ты понял, что говорит тебе благородный рыцарь? Черное, белое...

– Да слышал, не глухой! – просипел привратник. – Чего надо-то?

– Нуждаемся в помощи! – взмолился Франческо, не в силах более выносить сей фарс. – В помощи и убежище!

– Так бы сразу и говорили. Заходите, – окошко захлопнулось, приоткрылась калитка.

Узкая, едва человеку протиснуться, окованная железными полосами и со скобами для здоровенного засова. За воротами арка продолжалась, в ней царил полумрак, разгоняемый светом пары факелов. Шагах в пяти Гай увидел опущенную решетку и внутренний двор с рядами желтеющих кустов шиповника. Привратник – здоровенный детина, вольнонаемный слуга Ордена, судя по мирской одежде и скромному крестику алой эмали, – задвинул на место бесшумно скользящие засовы, набросил крюки и молча поманил незваных визитеров за собой. В стене подворотни открылась неприметная дверца, за ней – три истоптанные каменные ступень-

ки вниз и каморка со скамьями вдоль стен и узким оконцем, забранными прутьями.

– Тут ждите, – распорядился дозорный. – Я извещу кого нужно.

Он удалился, предусмотрительно закрыв дверь снаружи на засов.

Мистрисс Изабель уселась на лавку, благовоспитанно сложив руки на коленях и натянув поглубже капюшон плаща. Нервно ерзавший Франческо устроился по соседству с ней. Мак-Лауд кучей плохо соединенных между собой костей рухнул прямо на пол.

Ноттингамец выглянул в окно. Проем находился ниже уровня земли, и все, что удалось ему разглядеть, это край мощеного булыжником двора. Сейчас привратник позовет кого-то, обладающего правом принимать решения. Придется внятно и по возможности правдоподобно изложить целый ворох событий последних дней – но возможно ли это? Будь он магистром здешней прецептории, не поверил бы ни единому слову столь подозрительных личностей. Вдобавок с ними пришла женщина, а всем известно – храмовники весьма и весьма неодобрительно относятся к тому, чтобы в их владениях гостили представительницы слабого пола. Как бы мистрисс Уэстмор не попросили удалиться... Но тогда вместе с ней уйдет и Франческо – и будет совершенно прав, ибо даже столь самоуверенную девицу нельзя бросать в одиночестве...

Минуло не менее получаса – так думалось изнывавшему от неопределенности милорду Гаю. Наконец за дверью затопали шаги, лязгнул снимаемый засов и, пригнувшись, в низкую дверь вошли двое. Один – уже знакомый Гаю зверообразный привратник, другой – человек средних лет, носивший поверх обычной одежды суконную черную хламиду с нашитым на плечо алым крестом.

«Сервент, – сообразил англичанин, вспомнив то небольшое, что знал о порядках в Ордене Храма, – сержант, самый низший чин. Недавно вступивший оруженосец, еще не дослужившийся до посвящения в рыцари, или, напротив, ветеран, не рвущийся к вершинам. И на том спасибо. Вряд ли *этот* станет нас о чем-то расспрашивать. Можно надеяться хотя бы на пару часов передышки».

Безымянный храмовник молча оглядел потрепанную компанию – взгляд у него был цепкий, мгновенно оценивающий, кто чего стоит. Привратник свирепо сопел у него за плечом, многозначительно похлопывая себя по лопатообразной ладони устрашающего вида дубинкой и молчаливо намекая: чужакам здесь не слишком рады. Наконец брат Ордена изволил заговорить:

– Ваш друг может идти самостоятельно? Он болен или ранен?

– Он... э-э... – замялся Гай, подбирая нужное слово.

– Ранен, болен и устал, – сухо сказала Изабель. Мак-Лауд, подтверждая ее слова, застонал.

– Что ж, о нем позаботятся, – смилостивился храмовник. – Оружие ваше оставьте здесь и следуйте за мной. Бернардо, помоги сему достойному мужу подняться в келью.

Из оружия нашлись только позаимствованные в «Белом быке» меч и кинжал. Разоружившись, незванные гости проследовали под беззвучно поднявшейся решеткой, по одной из обрамлявших прямоугольный двор крытых галерей, вверх по узкой скрипучей лестнице, втиснутой меж двух соседствующих зданий, через длинный сумрачный коридор, делавший неожиданные повороты то вправо, то влево... У Гая создалось впечатление, что они идут по маленькому замку – впрочем, прецептория и задумывалась своими создателями, как нечто среднее между монастырем и крепостью – причем сопровождающий делает все, чтобы пришлецы никому не попались на глаза.

Вольнонаемный Бернардо, похоже, был здоровее быка – даже не запыхался, волоча практически висящего на нем шотландца. Им не встретилось ни единой живой души, не считая шмыгнувшей мимо пары слуг в одном из дворов, хотя повсюду ощущалось близкое присутствие большого числа людей. Сэр Гисборн понятия не имел, что думают его сотоварищи, но ему самому прецептория внезапно стала симпатична – витающим в ее стенах чувством надежности и защищенности. Может быть, это был очередной обман, а может, тоска самого Гая по четкой и понятной картине мира, где все расставлено по надлежащим местам, и ложь не пытается

выдавать себя за истину.

Очередной переход закончился в маленьком тесном дворе, разделенном кованой решеткой, сквозь которую высывались ветви барбарисовых кустов, уже тронутые осенней желтизной. Гости один за другим прошли через неприметную калитку и по узкой дорожке, усыпанной толченым кирпичом, вышли к крыльцу скромного одноэтажного дома – сложенного, как и все здешние строения, из камней изжелта-серого оттенка. Внутри домика обнаружилось четыре или пять небольших комнатушек, выходивших в общий коридор. Убранство состояло из самых необходимых вещей вроде кровати, стола и пары скамей, но после недавних передраг даже столь скромное жилище представало дворцом.

– Располагайтесь по собственному усмотрению, – проводник кивнул на двери комнат. – Поесть вам принесут. Если понадобится что-нибудь еще – скажите слугам. Магистр д'Альби выражал намерение в скором времени побеседовать с вами.

Завершив наставительную речь, сервент Ордена удалился, закрыв за собой дверь и заперев ее снаружи на засов. Вместе с ним удалился мрачный Бернардо, сгрузив обмякшее тело Мак-Лауда на лавку.

– Немногословны и угрюмы, но настроены вроде бы доброжелательно, – вынесла решение девица Изабель, приоткрывая дверь ближайшей комнаты и заглядывая внутрь. – Или, по крайности, не враждебно.

– Вы как хотите, а я пошел спать, – заявил Гисборн, едва захлопнулась дверь за зверообразным привратником. – Даже если через два часа нас поволокут на расправу, плевать – по крайней мере, эти два часа я проведу в настоящей постели.

Душераздирающе зевая, он и впрямь двинулся к ближайшему лежаку. Франческо собрался было последовать его примеру, однако был тут же довольно бесцеремонно остановлен. Цепкие пальцы Мак-Лауда придержали его за ворот рубахи и притянули к себе, усадив рядышком на скамью. По такому случаю сил у шотландца хватило с избытком.

– Не спеши, малыш, – просипел Дугал. – Поговорить надо.

– Perla Madonna, что еще?! – из уст итальянца вырвался самый настоящий стон. В конце концов, изрядно вымотались все, Франческо не был исключением. – Что вам от меня нужно, мессир Дугал?!

– Сущий пустяк, – осклабился кельт. – Один вопрос. Со всем маленький, простенький такой вопрос. Ответишь на него, и можешь дрыхнуть хоть до Страшного Суда. Как верно заметил Гай, вполне может статься, что вольной жизни нам осталось всего ничего. Так что не обессудь, я вынужден спешить. Ты еще не догадался, о чем я?

– Ради всего святого, Дугал, – вмешалась Изабель. Не делая попыток вырваться, несчастный Франческо только хло-

пал глазами на своего мучителя. – Что тебе нужно от мальчишки? Прекрати экзекуцию и говори толком!..

– Толком? Хорошо, – Мак-Лауд разжал пальцы, и Франческо немедленно отскочил на безопасное расстояние. Шотландец обвел спутников мутным от усталости взглядом. – Так вот, если толком, то вы совершенно правильно коситесь на меня, как на зачумленного...

– Мы не косимся, – заикнулся было Гай.

– Да брось, я ведь не слепой, хвала Создателю! И не перебивай меня, сэр рыцарь. Я отлично знаю, что с разорванной глоткой и пробитой печенкой люди не живут. Там, в ущелье около Ренна, я умер, и меня закопали. Но вместо того, чтобы спокойно гнить в яме, я почему-то встал и пошел, аки Лазарь из Вифании! И вот до сих пор хожу, говорю, вытаскиваю ваши задницы из всяких передрыг, каждой минутой своего существования противореча всем законам людским и Божьим! И сдается мне, тут приложил руку вот этот юный красавчик!

Указательный палец Дугала нацелился на растерянно моргающего Франческо Бернардоне.

– Я желаю знать, парень, почему я не могу умереть по-человечески! Что ты такое сотворил со мной, покуда я валялся без памяти в проклятом Богом замке? Уверен, что бы это ни было, случилось оно именно тогда. Тогда, после драки с Рамоном – ну, вспомнил?

– Я думал, так будет лучше... – пробормотал Франческо. – Тогда, в Ренне... Вы были при смерти...

– Ага! Я угадал. Ну, и что дальше? – подбодрил шотландец. – Давай, не стесняйся! Как говорят святые братья, скажи правду и посрами дьявола. Значит, я был при смерти. Потом ты что-то сделал, и я мгновенно ожил. Уж не хочешь ли ты сказать, мой юный друг, что излечил меня возложением рук, а заодно даровал телесную неуязвимость? Ба! Возможно, будет правильнее именовать тебя... из какого захолустья ты родом, из Ассизи? Святой Франциск Ассизский, а?

Низко опустив голову и покраснев так, что заметно было даже в сумерках, итальянец еле слышно выдавил несколько слов.

– Что? Не слышу! – рявкнул Дугал.

– San Gradualis, Святой Грааль, – по-прежнему тихо, но вполне отчетливо на сей раз повторил Франческо. – Я дал вам напиться из чаши Святого Грааля. То есть, мне кажется, это была именно та чаша. Я не знал наверняка, но решил, что вреда все равно не будет.

Повисла гробовая тишина.

Дугал выглядел, как человек, только что получивший по башке дубиной. У мистрисс Уэстмор самым натуральным образом отвисла челюсть и округлились глаза. Гисборн соскочил со своего топчана. Франческо, глядя в пол, нервно крутил на пальце серебряное колечко.

Потом все загомонили разом.

– Это такая невзрачная деревянная посуда? – ошеломленно спросил Дугал. – Не может быть! Мы в Дингуолле из

таких сидр пили, а Грааль, он... он совсем другой... золотой с камнями... наверное...

– Рехнулся, не иначе, – пробормотала Изабель. – Но если и правда... Грааль... да, это все объясняет, но это невероятно, клянусь Богом...

– Мессир Дугал, я из лучших побуждений, честное слово, я же не думал! – заторопился итальянец. – Вы умирали, и я по чистому наитию...

– Да подождите вы! – рыкнул Гай, ошарашенный новостями. Ибо Франческо утверждал, будто держал в руках вещь, священную для любого христианина и утраченную в незапамятные века.

Одна из величайших реликвий мира, наряду с Древом Истинного Креста и Копьем Лонгина. Крест и Копье были потеряны два года назад в Святой Земле, в великой битве при Тивериаде. Что же до Чаши Грааля, то в запутанной истории ее странствий вряд ли могли толком разобраться самые высокоученые клирики Сорбонны и Кентербери. Все сходились в одном – Чаша существовала, у подножия Голгофы Иосиф Аримафейский наполнил ее кровью Христовой... и затем на три столетия святая реликвия исчезла из мира. Где она хранилась все эти годы, чьи руки прикасались к ней – знает один лишь всеведущий Господь да еще, может быть, немногие особо доверенные ангелы.

Спустя триста лет неутомимая Святая Елена, императрица Византии, собирательница реликвий времен земной жиз-

ни Христа, будет держать Чашу в руках и с трепетом поставит ее на алтарь церкви во Имя Страстей Господних в Иерусалиме. Однако пройдет еще полтора столетия, и неведомые пути приведут Чашу в павший под ударом готов Рим. Здесь ее история становится двойкой, как течение разделившейся на два рукава реки. Около 500 года от Рождества Христова свет Чаши воссияет на далеком острове Альбион, при дворе правителя полудикого племени бриттов, Артура. Однако в это же время Священный Сосуд пребывает в сокровищнице франкских королей, наследников легендарного Меровея. Рыцари Круглого Стола, призванные Артуром, ищут Чашу по всему свету и обретают ее в таинственном замке Монсальват. Меровеи ничего не ищут и никуда не стремятся, храня свое сокровище... в замке под названием Монсальват.

Рукава истории сливаются воедино. Паломники ко Гробу Господню опять воочию зрят Чашу на ее исконном месте, на алтаре иерусалимской церкви.

В начале десятого века последователи воинственного пророка Мухаммеда захватят Вечный Город, разграбят христианские святилища... а Чаша вновь исчезнет. Одни скажут – ее укрыли в тайнике. Другие будут уверять – она сама покинула Иерусалим, ибо он перестал быть для нее надежным пристанищем. Третьи шепнут – Чашу украли арабы и теперь ищут, кому бы из европейских государей продать ее подороже. Четвертые... Бог его знает, что скажут четвертые?.. Предводители первого из Крестовых походов и их воины

утверждали, якобы все три сокровища христиан были обреты в Иерусалиме, но с той поры миновало почти сто лет, и алтарь пустует...

Только пилигримы и паломники долгими вечерами рассказывают о чудесах, произошедших в Компостелле или в Тулузе, об исцелениях смертельно больных и о неземном свете, сходящем на землю... О маленькой чаше, вырезанной из куска старого дерева, чуть теплой на ощупь, взявшейся неведомо откуда и пропавшей неизвестно куда... Молва приписывала Святой Чаше всевозможные чудесные свойства – в том числе и бессмертие для приобщившегося божественной благодати.

Но одно дело – слушать занимательную байку у костра, на сон грядущий, и совсем другое – самому столкнуться с легендарной реликвией, так сказать, в действии. Гисборн ощущал себя рыбаком, поймавшим в сети морского змея из древних саг. Вот он, змей – только руку протянуть. А ты стоишь на берегу дурак дураком и лихорадочно соображаешь: как же так и что теперь делать? Бежать за подмогой, тянуть самому? Закоптить живую легенду на зиму? Разрезать сети – пусть себе плывет?

Или там вовсе не змей? Обман зрения, причудливая коряга с бородой из водорослей?

– Франческо, тебе не кажется, что ты... э-э... слегка преувеличиваешь? Посуди сам, откуда здесь, в этом безбожном краю, взяться Святой Чаше?

Итальянец наконец оторвал глаза от пола. Выглядел он до чрезвычайности несчастным и удрученным.

– Пути Господни неисповедимы, мессир Гай. Я не знаю. Не могу ничего объяснить. Знаю только, что наткнулся на эту вещь в крипте под замковой часовней. Только увидел ее, меня... ну, словно что-то под руку толкнуло. Взял в руки, почувствовал... И еще свет... нет, даже не свет, а как буд-то... как если бы что-то живое, но не человек, не зверь, а... – от волнения он сбился и перешел на родной язык, потом безнадежно махнул рукой. – Правда, не знаю. Не спрашивайте.

– Coglione, болван, – скривилась практичная Изабель Уэстмор. – У тебя хоть достало ума прихватить его с собой? Где он – в каком-нибудь из выюков? Проклятье, неужели Джейлю досталась и Святая Чаша тоже?!

– Украсть реликвию? Украсть San Gradualis?! – ужаснулся юноша. – О, нет! Он остался там, на столе... или на подоконнике, я точно не помню...

– Дважды болван, – припечатала девица. – Однако ты меня удивил. Я уж и не думала, что еще способна удивляться... Подумать только! Святой Франциск и бессмертный горец, вот умора!

– Да, – деревянным голосом произнес Дугал. – Смешно. И что мне теперь делать с этим бессмертием?

– Ну как же! – мистрисс Уэстмор веселилась от души. – Радоваться, конечно! В любое сражение – без всякого страха, оружие врага бессильно, отрубленные конечности отрастают

заново! Герои древности, и те бы обзавидовались! А может, вкупе с бессмертием тебе досталась еще и вечная молодость, а, мессир Дугал?

– Поди к дьяволу, ехидная ведьма, – мрачно буркнул шотландец, с трудом поднимаясь со скамьи. – Спасибо, Френсис. Удружил. Век не забуду.

Придерживаясь за стену, он неверной походкой двинулся к ближайшей лежанке.

– Мессир Дугал, не стоит отчаиваться! – жалобно крикнул ему вслед Франческо. – Нам не дано проникнуть в замыслы Господни. Может, Он уготовал вам впредь великую участь...

* * *

Время неспешно текло мимо, отмечаемое перезвоном колоколов орденов часовни. В стоявший на отшибе странноприимный дом почти не долетало звуков, сопровождавших повседневную жизнь прецептории, и можно было только догадываться, чем заняты населяющие ее братья. В десятом часу под охраной двух сержантов явилась кухонная прислуга, принеся завернутые в овчину судки, а в качестве приятного добавления к ним – небольшую корзину с кувшинами местного вина. Вкусный запах съестного мгновенно пробудил Мак-Лауда ото сна, и шотландец набросился на еду, аки голодный волк. Остальные, впрочем, нимало от него не отставали. Гай взирал на Дугала с изумлением: кельт пора-

зительно быстро восстанавливал силы. Сейчас уже сложно было заподозрить, что всего три часа тому назад сей достойный муж уверенно стоял одной ногой в могиле.

После трапезы ждал еще один приятный сюрприз: явившийся служка проводил мужчин в купальню, где вдоль стен стояли громадные деревянные бадьи с нагретой водой и где Гай, Дугал и Франческо наконец сменили вонючую рванину на чистое льняное белье. Некоторое затруднение возникло с мистрисс Уэстмор: орденский устав не предусматривал купания женщин вместе с братьями-рыцарями. После краткого совещания четверо дюжих служек с натугой подхватили бадью и поволокли в гостевые кельи.

– Вся эта дармовая роскошь неспроста, – заявил Мак-Лауд, ожесточенно оттирая с себя пот, кровь и грязь.

Гисборн бросил на него быстрый взгляд и вновь покачал головой в немом изумлении: жуткие шрамы от арбалетных болтов на горле и под ребрами теперь выглядели... старыми. Месячной, самое малое, давности. Да и голос Мак-Лауда значительно окреп, хотя по-прежнему то и дело срывался на хрип. Кстати сказать, указанные обстоятельства вкупе с предоставленным отдыхом, сытной едой и омовением практически примирили шотландца с тяжелой участью бессмертного. Единственно, теперь он повадился дразнить своего спасителя, присвоив тому прозвище «Сантино», «Маленький святой» – против чего сам итальянец столь же упорно возражал.

– Нас кормят, моют и переодевают, дабы своим немощным видом и непотребным духом мы не смущали чувства сильных мира сего. Вот увидишь, в самое ближайшее время нас ждет аудиенция у местного магистра.

– Еще бы, – хмыкнул Гай. – Полагаю, не каждый день в захолустную прецепторию вваливается такая компания, как наша... Здешний командор, должно быть, весьма флегматичный человек, либо у него и без нас хватает забот – я бы на его месте учинил эдаким визитерам допрос по всей строгости, да как можно скорее. И что ты намерен продать ему под видом правды?

– Саму правду и ничего кроме правды, – пожал плечами шотландец. – Тамплиеры не враги нам, скорее наоборот – могут сослужить добрую службу. Обманывать их, я считаю, нехорошо, да пожалуй, и невозможно. Хорошую легенду на ходу не сочинишь... Поэтому, друг мой, тебе придется говорить исключительно правду. Да-да, именно тебе, – уточнил он, поймав недоуменный взгляд Гисборна. – Если бы нам требовалось словчить, я, может, и попытался бы. Но я все еще не в лучшей форме, а у тебя, сэра Гай, честность прямо-таки на лбу написана. Вот такими буквами.

Разведя ладони примерно на фут, Дугал показал, какими именно.

– Мы с Сантино будем поддакивать в нужных местах. Верно, Френсис?

– Si, signiore, – немедленно отозвался Бернардоне. – Толь-

ко, прошу, не называйте меня святым. И я полагаю, мессир Гай должен сказать не всю правду. Вся будет немного, э-э... чрезмерной, нет?

– Умный парень, – усмехнулся кельт. – Не слишком храбрый, но голова у тебя варит. Может, из тебя еще и выйдет какой-нибудь толк... если прежде не повесят. Слушай меня внимательно, Гай: расскажешь магистру все как есть, кроме...

...Ожидаемый посланец появился под вечер, принеся изустное приглашение – вежливое по форме, но в действительности звучавшее слабо завуалированным приказом. Эжен д'Альби, магистр ордена и командор прецептории в Безье, желал лицезреть своих гостей – всех, включая даму.

Безмолвный провожатый сопровождал всех четверых в соседний двор, дважды стукнул в створку выкрашенной черной краской двери, и сухо изрек, когда та открылась:

– Сюда. Налево и прямо.

Покой, куда они вошли один за другим, выглядел пустоватым – светлые, оштукатуренные стены с небольшим серебряным распятием на одной, посредине стоит стол черного дерева с лавками вокруг. В центре покрытой холщовой скатертью столешницы столпились несколько кувшинов и чаш, окружив корзину с желтым виноградом. Человек, восседающий за столом – глава прецептории Ордена Храма – выглядел ровесником отца сэра Гисборна, сиречь количество прожитых им лет подбиралось к полусотне. О том, что он принадлежит

к духовному братству, указывала только тяжелая золотая цепь, поблескивающая маслянистыми искорками. Магистр предпочитал носить светское одеяние скромных коричневых и черных цветов, и монашеской tonsуры у него также не замечалось. Белый просторный плащ с алым крестом на плече висел, аккуратно расправленный, на украшавших стену развесистых оленьих рогах. Единственно, тем пунктам устава Ордена, кои прямо касались надлежащей для храмовника внешности, господин командор следовал неукоснительно: коротко стриг темную, обильно седеющую шевелюру и обладал густой окладистой бородой. Притом, что куртуазная дворянская мода, коей подчинялись Гай, Франческо, и, как ни странно, Дугал Мак-Лауд, требовала от своих поклонников прямо противоположного – длинных локонов и полного отсутствия растительности на лице.

В общем и целом Эжен д'Альби оказался похож скорее на преуспевающего купца, нежели на одного из высших чинов рыцарского ордена. Взгляд у него был бодрым, речь, когда он заговорил, лилась гладко, а доброжелательная улыбка не сходила с губ. И приветствовал он вошедших так, будто бы давно ждал дорогих гостей – и вот наконец они пожаловали.

– Прошу, прошу, прошу. Присаживайтесь. Присаживайтесь и вы, госпожа, устраивайтесь поудобнее, – последнее относилось к Изабель, скромно державшейся позади спутников и намерившейся устроиться на краешке стоявшего под окном табурета. – Устав святого Бернара, как говорится,

уставом, а вежество – вежеством. Досточтимый святой муж наверняка сделал бы исключение для столь очаровательной дамы. А некоторые мои знакомцы, исконные обитатели Святой Земли, утверждают: «Лучше беседовать с женщиной и думать о Боге, нежели говорить с Богом, думая притом о женщине». И кто посмеет заявить, будто они не правы?..

«Сладкоречивый змей. Самая опасная порода», – мрачно подумала «очаровательная дама», устраиваясь в любезно предложенном ей карло. Мужчины рядом расположились на лавке. Магистр тем временем разливался соловьем:

– Угощайтесь фруктами, налейте себе вина, будьте как дома! В нашем захолустье новые лица появляются редко, а известия о том, что творится в мире, приходят еще реже. А тут – такое событие! Изнеможенные путники, скрывающиеся и гонимые, называют у врат орденской обители секретное слово, известное немногим... Определенно, здесь кроется некая тайна. Что ж, для начала хотелось бы знать: с кем имею честь? Скажем, аз есмь скромный слуга Господень Эжен д'Альби, избранный решением братии надзирать за сей обителью. Можно даже без «вашей светлости», «вашей милости» и всякой прочей мишуры. Ну а теперь – Вас не затруднило бы назваться? Настоящими именами, само собой.

В последней фразе, резко отличавшейся от прежних благодушных рассуждений, холодно звякнул металл.

– Итак, – кивнул магистр, выслушав поочередное представление каждого из гостей. – Если я верно понял, у нас

имеются британский рыцарь из числа свитских его высочества Джона, шотландский наемный меч, итальянский торговец и английская свободная горожанка. Прелюбопытное сочетание, должен заметить. Что же привело вас в наши отдаленные края и повергло в столь бедственное положение? Вы, как мне передали, просили убежища и помощи. От кого вы скрываетесь? И в какой именно помощи Ордена вы нуждаетесь?

– Исключительно в денежной и военной, – легчайшим шепотом, достигшим только ушей сэра Гисборна, пробормотала Изабель.

Поскольку Дугал принял обет молчания и только красноречиво зыркал из-под взлохмаченной челки на компаньона, Гай, вздохнув и собравшись с силами, начал рассказывать.

Повествование – даже без мелких подробностей и отступлений – вышло столь долгим, что теплый солнечный свет за узкими окнами загустел и начал наливаться подступающим сумраком. Сперва Мак-Лауд, а за ним и Франческо дотянулись до кувшинов. Изабель ограничилась тем, что утащила кисть винограда и меланхолично общипывала ягоду за ягодой. Магистр слушал весьма внимательно, не перебивая, лишь изредка задавая уточняющие вопросы. Когда полностью выдохшийся Гай замолчал, командор сочувственно протянул:

– М-да. История, достойная быть увековеченной в балладах... Как это говорят на вашей родине, мессир... мессир

Бернардоне? *Se non e vero, e ben trovato* – пусть не истина, зато славно придуманная ложь?

– Верно, на моей родине есть такая поговорка, ваша милость, – со всей возможной учтивостью ответил итальянец. – Однако, правильно произносятся слова, вы неверно их применяете. Сэр Гай не лжет вам. Сказанное им – сущая правда.

– В самом деле? – скептически хмыкнул Эжен д'Альби.

Гисборн лишь горько усмехнулся. Услышь он полгода назад подобную историю, сам бы не поверил ни единому слову.

– Что ж, любезные мессеры, и вы, драгоценная мистрисс Уэстмор, давайте рассуждать здраво, – в пальцах магистра неведомо откуда появились отполированные от долгого употребления костяные четки. Сухо щелкнула первая бусина. – Загадочное сокровище доверено всего двум людям для доставки лично госпоже Алиеноре Пуату – через всю беспокойную Францию! Прибавим сюда происки коварных византийцев. Что ж, допустим, хотя верится с трудом. Как это вы умудрились сбежать из Ренна напрямиком в руки врагов? Очень уж ловко они подгадали, не находите?

– Находим, – устало сказал Гай, у которого голова уже шла кругом. – Наверное, за нами следили. Или кто-то из обитателей замка оказался продажен, либо не в меру болтлив. Откуда мне знать, мессир командор?

– Хм. Допустим еще раз. Стало быть, захватив вас неподалеку от замка, византийские шпионы наложили лапу на пресловутое сокровище, самих же вас отвезли в Безье в качестве

пленников? – въедливо уточнил магистр. Щелкнула вторая косточка. – Удивительно человеколюбивый поступок. Положили бы они вас рядком на безлюдье, да на поживу птичкам, извините за прямоту – горя бы не знали. Ан нет. И что такое на похитителей нашло?

– Любого человека можно заставить говорить, лишь у мертвеца не разживешься секретами, – тихонько произнес Франческо.

– О, ваши секреты так дорого стоят? Любопытно... – промурлыкал магистр. Снова щелкнули четки. – Но – допустим в третий раз... и это уже слишком много, чтобы вам поверить. Сэр Гисборн, не откажите в любезности – да не вздумайте врать мне, проверить будет просто! – от кого вы узнали нужные слова, «черное, белое и золотое»?

– От него, – Гисборн нехотя указал на шотландца.

Мак-Лауд с самого начала разговора не проронил ни слова и вообще старался сделаться как можно незаметнее. При его росте и колоритной внешности задача оказалась явно непосильной.

– Ага, – удовлетворенно кивнул Эжен д'Альби и разом утратил к Гаю всякий интерес, целиком переключившись на Дугала. – А вы, мессир Мак-Лауд, отчего ж молчите? Сдается мне, вам есть что порассказать?

– Говорить трудно, – просипел кельт, оттягивая воротник рубахи и демонстрируя пылливому магистру безобразный шрам под кадыком. Гисборн готов был прозакладывать

голову, что Мак-Лауд притворяется – не далее как час тому назад в купальне речь давалась шотландцу вполне прилично – однако звездчатая красно-синяя впадина смотрелась более чем убедительно. Эжен д'Альби, во всяком случае, был весьма впечатлен, судя по тому, как он поднял сперва одну бровь, затем и другую.

– Стрела? – предположил он. – Или арбалетный болт? Где-нибудь месяца два тому?

Мак-Лауд молча кивнул.

– Воистину чудо Господне, – недоверчиво покачал головой тамплиер. – Человек с такой раной должен был скончаться на месте... Как вам удалось выжить?

– Повезло. Лекари были хороши, – буркнул кельт. – И Господь, наш Создатель, не оставил меня в милости своей.

Франческо при этих словах поперхнулся вином и закашлялся. Изабель заботливо постучала его кулачком по спине, сердито прошипев что-то на ухо.

– Верно вам говорю, божье чудо, – повторил магистр. – За ваше исцеление вы должны неустанно благодарить Господа, ибо в тот день вы родились заново. Ба, любезный! А ведь я догадываюсь, кто мог подсказать вам некие заветные слова. Как поживает шевалье де Грисс? Как его раненое колено – донимает по-прежнему?

– Не знаю ни шевалье де Грисса, ни его колена, – пожал плечами Мак-Лауд.

– Ну как же! Сей ученый муж, состоящий при ее величе-

стве в скромной должности письмоводителя, как раз и занимается, скажем так, поручениями весьма деликатного свойства. Коль скоро вы утверждаете, что действуете от имени и по поручению Алиеноры Пуату, да продлит Господь ее дни, так и со старым пронырой де Гриссом должны были встречаться! Припомните: лет сорока, коренаст, чернобород, подволакивает левую ногу... вспомнили?

– Насколько мне известно, сударь, королева Элеонора не прибегает к услугам письмоводителя, – возразил шотландец. – Далее, мне известны имена по меньшей мере трех человек в ее ближайшем окружении, занимающихся, как вы изящно выразились, «деликатными поручениями». Хромоногого бородача по имени де Грисс среди них нет. Или, во всяком случае, не было год назад, когда я отбыл в Лондон. Даже будь я византийским лазутчиком, то купился бы на ваш трюк, лишь будучи лет на десять моложе или вдвое глупее.

Он закашлялся и поднес руку к горлу, как бы показывая, насколько утомила его долгая речь.

– Ну-ну, не стоит обижаться, – улыбка храмовника так и лучилась искренностью. – Уловка для простаков, согласен, но должен же я проверить! За неимением у вас иных верительных грамот остается лишь ловить вас на слове...

– Грамоты были, – мрачно произнес Дугал. – Как раз на такой случай. Если мы поторопимся с погоней, если те негодяи не выкинули мою куртку и не отыскали в ней потайной шов, то вкупе с архивом канцлера Лоншана я представлю

вам эти грамоты. На тончайшем шелке. С личной подписью королевы Элеоноры.

– А также карту местонахождения клада Зигфрида Нидерландского и Святой Грааль впридачу... – рассеянно пробормотал Эжен д'Альби. – И в обмен на эти пустые посулы вы просите – как там? Сушью безделицу, верно? Свежих лошадей, деньги, оружие, дорожные, надежных проводников и – желательно – человек пять-шесть рыцарей Храма при полном вооружении. Ах да, чуть не забыл. Еще – тайно вывести вас из Безье, учитывая, что город закрыт по приказу графа Транкавеля. Кстати, вам известно об этом приказе?

– Известно, ваша милость, – сдержанно ответил Гай за всех четверых.

– Ага. А может быть, вам также известно, за кем и почему охотится Железный Бертран?

Повисло молчание. В тишине чуть слышно пощелкивали костяные четки магистра. Эжен д'Альби терпеливо ждал ответа на свой вопрос.

«Вот и подошли к главному, – обреченно подумал Гай. – Конечно же, старый лис прекрасно знает, *за кем* охотится Транкавель. Ему только интересно, *почему*. Ему интересно, стоят ли наши секреты наших жизней. Сдается мне, от ответа на сей вопрос зависит наша дальнейшая участь. Ответим неправильно, сохрем или не заинтересуем магистра – и он преподнесет нас Железному Бертрану на блюде, так сказать, в знак вечной дружбы, даже дугаловы связи не спасут:

где королева Элеонора и где мы... Что же сказать? Господи, вразуми!..»

И тут наконец подала голос Изабель Уэстмор, все время беседы просидевшая тихо, как мышь под метлой.

– Может быть, он преследует волкодлака? – с невинным видом предположила она. – Как поступили бы вы, мессир командор, доведись вам изловить оборотня?

Гисборн не подал виду, и его рука, державшая тяжелый оловянный кубок, не дрогнула, но внутри у него все сжалось в ожидании ответа командора. Франческо прикрыл глаза и даже, кажется, перестал дышать.

Мак-Лауд перед беседой наставлял соратников: «Говорите о чем угодно, но запомните три вещи. Во-первых, если не хотите прослыть блаженными – никаких дивных мираклей. Верно, мы стали свидетелями многих странностей, но рассказывать о них будете детям на ночь – когда и если у вас будут дети. Про Грааль и мое чудесное воскрешение – ни слова. Караван мэтра Барди истребили разбойники, а из Ренна мы бежали через самую обычную потерну, прикончив стражников, понятно? Второе: Ральф Джейль работает на династию Комниных, и именно для них он похитил треклятый лоншанов архив. Про архив – всю правду: нам нужна поддержка тамплиеров, тамплиерам нужно вознаграждение за труды, а наследство Лоншана – лучшая из всех возможных наград. И последнее: ни слова о Рамоне-волкодлаке и его судьбе до тех пор, пока мы не разберемся, в каких отно-

шениях прецептория Эжена д'Альби находится с Железным Бертраном...»

Отношения прецептории и хозяев Ренна пока оставались тайной за семью печатями. Учитывая, что семейство Транкавелей обладало в Редэ почти абсолютной властью, нельзя исключать, что Эжен д'Альби осведомлен о кровавых развлечениях Рамона... в этом случае всех четверых, скорее всего, взяли бы под стражу прямо в покоях магистра. Однако Изабель, видимо, рассудила, что терять им все равно нечего, и решила рискнуть.

– Насадил бы проклятую тварь на хороший острый кол, – ни секунды не задумываясь, ответил магистр. Благодушная улыбка мигом исчезла с его лица, глаза холодно блеснули, губы сжались в прямую линию. Такой Эжен д'Альби куда больше походил на сурового и неподкупного командора ордена Рыцарей Храма. – Я видел жертв – чудовище, совершившее эти убийства, заслуживает самой лютой смерти. Только, сдается мне, нужно искать не тварь из преисподней, а человека, одержимого дьявольским наваждением... Лет десять тому в Редэ уже ловили оборотня, резавшего пастухов на дальних выпасах и путников на дорогах. Ну, а коли попадалась женщина, она непременно подвергалась насилию перед тем, как умереть. Открылось все по чистой случайности и промыслу Господню. Оказалось, никакой это не волкодлак, а старый псарь Бланшфоров. И ведь до чего додумался, мерзавец! Чтобы следов не оставлять, сшил из шкур звериные лапы с

когтями и натягивал поверх сапог. А еще соорудил из капкана эдакое подобие пасти, утыкал его волчьими клыками и перерезал этой штуковиной глотку добыче. Его четвертовали на главной площади, при большом стечении народа и всеобщем одобрении... Вот и сейчас, хотя грешат на Зверя, за всем этим явно стоит человек. Случайно не знаете, кто таков?

Мак-Лауд ухмыльнулся. Эта ухмылка вышла острой, как лезвие ножа. Похоже, девица Уэстмор неведомым женским чутьем таки отыскала правильный подход.

– Случайно знаем, – медленно произнес он. – И граф Транкавель знает, что мы знаем. И ни за что не допустит, чтобы это знание распространилось дальше. Станете ли вы помогать ему в этом, мессир магистр?..

Эжен д'Альби долго медлил с ответом. Пощелкивая четками, он внимательно разглядывал своих собеседников, словно пытаясь таким образом понять степень искренности каждого из них. К чести Гая, Дугала, Франческо и девицы Изабель, ни один не отвел взгляд. Наконец магистр, покачав головой, будто в сомнении, бросил четки на стол и заговорил – негромко, весомо, неторопливо, мгновенно сменив маску гостеприимного хозяина на облик строгого дознавателя *Inquisitio*.

– Граф Бертран де Транкавель, ныне пребывающий в стенах прецептории... – вот тут уже дернулись все, а Франческо уронил пустой кубок. Эжен д'Альби коротко, остро глянул

на него и продолжал: – ...не далее как нынешним утром поведал мне совершенно иную историю. По его словам, четверо проходимцев, коварством и обманом проникнув в Реннле-Шато, обокрали его, убили младшего сына и покушались на жизнь старшего, Рамона. Я давно знаю Железного Бертрана и ни разу еще не видал его в такой ярости. За ваши головы он сулит любую награду, без преувеличения, чуть ли не золотом по весу. Его люди наводнили Безье, городская стража с ног сбивается в поисках убийц. Я не могу отказать владельцу Редэ в гостеприимстве – его слово в здешних краях слишком много значит...

Командор сделал многозначительную паузу.

– ... но и мчаться ему на помощь, аки верный пес, едва хозяин свистнет, не обязан. Рыцари Храма – редкая для Безье людская порода: они подчиняются лишь Господу Богу и своему магистру, – как ни в чем не бывало продолжал тамплиер, вволю налюбовавшись на помертвевшие лица собеседников. – Хорошо изучив за несколько лет весьма своеобразные нравы мессира Бертрана и его семейства, я позволил себе усомниться в истинности его слов. История, рассказанная им, содержала еще больше прорех, нежели ваша – начать с того, что вряд ли сыщется проходимец, сумевший проникнуть в Ренн против воли его хозяев. Поэтому, хотя мне достаточно было отдать соответствующий приказ, я почел за благо выслушать также и другую сторону. Возможно, я был прав... но я еще не решил. Который из двух был волкодла-

ком – Рамон или Хайме?

– Старший, – выдавил Дугал, медленно приходя в себя.

Магистр кивнул.

– Что-то в этом роде я от него и ждал. Рамон де Транка-
вель всегда вызывал у меня... странное ощущение. Итак, я
хочу знать все подробности этой запутанной истории, кото-
рую вы пока предпочли обойти молчанием. Сейчас вы их из-
ложите. Затем ответите на мои вопросы – честно и полно, –
Эжен д'Альби легко встал из-за стола, прошелся по комна-
те. – А затем вы вернетесь в странноприимный дом и будете
ждать моего решения. И позволю себе предостеречь вас от
опрометчивых поступков. Братья Ордена присматривают за
гостями ненавязчиво, но очень внимательно.

Глава третья

Волк у дверей

12 октября.

Замок Ренн-ле-Шато.

Встречающих было двое – хлопотливая челядь, завершающая последние приготовления к приему гостей, не в счет. Молодой мужчина, смуглолицый, скуластый и черноволосый, и девушка пятнадцати лет, брат и сестра, судя по внешнему сходству. Пока процессия неспешно втягивалась во внутренний двор Ренна, они стояли неподвижно на высоком замковом крыльце, кутаясь в плащи от пронизывающего осеннего ветра.

Караван, змеей вползающий под воротную арку, невелик и медлителен. Впереди – добротный возок, обитый красным сукном и запряженный четырьмя выносливыми конями местной породы, на дверцах – серебряный крест. Повозка окружена пешими копейщиками под командованием верхового на чалом коне: дороги Лангедока порой небезопасны даже для служителей Божьих, надежней полагаться на холод-

ную сталь, чем на горячую молитву. Рядом тащится группка в черных рясах, кто пешком, кто на мулах: монахи, составляющие свиту прибывшей в возке особы. Позади всех трое пеших черноризцев под водительством молодого носатого монаха. Эти почему-то держатся наособицу.

– Монсеньор Олиба со своим ручным вороньем, – негромко, брезгливо проронил молодой человек. Ветер нещадно трепал его длинные волосы, иссиня-черные, схваченные на затылке в «конский хвост» тонким серебряным кольцом. – Как всякие падальщики, порой полезны, но неизъяснимо противны... И как всякие стервятники, верно чувствуют поживу. На редкость вовремя они явились – отец в отъезде, Рамон сражен недугом, обещанный волкодлак нашими трудами сбежал...

– В последнее время у нас вообще все наперекосяк, – передернула плечами девица. Просторный плащ от резкого движения распахнулся, явив на мгновение ладную, вполне оформившуюся фигурку. – Кстати, Тьерри, что с нашим возлюбленным братцем?

– Как утверждают многомудрый отец Ансельмо и мои собственные глаза, всё по-прежнему, – мрачно ответил Тьерри. – Лежит пластом, в сознание не приходит. Затолкать бы его в Санктуарий, за решетку и под охрану, от греха подальше, так святой отец возмущается – мол, это жестоко. Не приведи Господь нашим гостям узреть красу и гордость провинции в столь плачевном состоянии... Впрочем, во всем

есть свои светлые стороны. Его преосвященство трижды перекрестится, узнав, что ему придется иметь дело не с Железным Бертраном и не с Безумным Рамоном, а со мной... Да вот, кстати, и он – собственной персоной. Добро пожаловать в замок Ренн...

Стоя плечом к плечу на высоком крыльце, брат и сестра наблюдали за тем, как из возка выбирается грузный, представительного вида человек в алом епископском облачении. Почтительно поддержанный слугами, священник ступил на булыжник двора, огляделся, заметив две неподвижные фигуры на верхней площадке лестницы. Помедлил, ожидая, что хозяева Ренн-ле-Шато первыми спустятся для приветствия.

– И не подумаю, – буркнул Тьерри, не двигаясь с места.

Епископ нахмурился. Подобрал полы расшитого золотом наряда и, стараясь сохранить достоинство, зашагал через двор к молодым господам Ренна. Свита потянулась следом.

Неудивительно, что после преодоления десятка крутых ступенек приветствие монсеньора Олибы отдавало изрядным холодком. Однако Тьерри не ошибся: узнав, что владелец замка и старший отпрыск встречаться с гостями не собираются, святой отец сразу воспрял духом и подобрел. Несмотря на высокий сан и стоящую за плечом Церковь, духовный пастырь провинции Редэ при визитах в Ренн-ле-Шато чувствовал себя весьма и весьма неудобно. Он возносил хвалу Господу всякий раз, когда благополучно выезжал за ворота. По неведомым причинам мессира Олибу снесало

твердое убеждение: только что он вновь избежал безвременной кончины.

Не то, чтобы хозяева были невежливы... или опускались до угроз... Просто находиться в обществе двух старших Транкавелей – все равно что стоять со соседству с клеткой с дикими пардусами, у которой дверь еле-еле держится на хлипком засове. Никогда не знаешь, что им взбредет в голову в следующий миг: сломать дверь одним ударом лапы или сидеть спокойно, облизываясь и щурясь на солнце... Хотя Тьерри, конечно, тоже не образец доброго католика или палладина без страха и упрека. Чего только стоит эта его кривая ухмылочка и привычка смотреть куда-то сквозь собеседника.

– Где подозреваемый? – трое странных монахов упорно тащились за его высокопреосвященством. Спутники и охранители епископа послушной толпой свернули к помещениям для слуг, а эти остались. Задавал тон младший, примеченный Тьерри еще в замковом дворе – с крючковатым носом, неприятным металлически-четким голосом и акцентом человека, родившегося к югу от Пиренеев, в каком-то из королевств Иберии. Он влез со своим вопросом, даже не дожидаясь, пока хозяева и гость рассядутся за накрытым столом. – В послании господина Бертрана утверждалось, якобы в вашем доме пребывает некто, мнящий себя либо же на самом деле являющийся волком-оборотнем...

– Это брат Доминик, – мессир Олиба с мученическим ви-

дом возвел очи к небу – точнее, к заменяющим его массивным стропилам, – а также братья Себастьян и Никол.

Черные капюшоны чуть склонились вперед. Кто из них кто – так и осталось загадкой.

– Святые братья как раз находились в обители Алье, когда явился гонец от вашего батюшки, – монсеньор Олиба всем видом давал понять: он тут ни при чем, сами заварили кашу, сами и расхлебывайте. – Они обладают разрешением от его святейшества Ангильбера, архиепископа Тулузского, на проведение процессов *inquisitio* во всех лангедокских провинциях. Летом они побывали в окрестностях Фуа, зиму же намерены провести в Редэ, искореняя плевелы ереси...

– Как интере-есно, – пропела Бланка. Епископ замаялся, скомкав пламенную речь. Брат Доминик удостоил девицу весьма неодобрительного взгляда – и неугомонная Бланка немедля прикинулась смиренной овечкой, только из-под длинных ресниц поблескивали проказливые искорки.

– Нету у нас подозреваемого, – честно признался Тьерри. – Он коварным и злонамеренным образом сбежал.

Если брат Доминик и был разочарован, то ничем не выдал своих чувств, быстро спросив:

– А сообщники?

– Какие сообщники?

– Раз подозреваемый бежал, значит, у него имелись сообщники, – невозмутимо изрек монах. – В дороге нам неоднократно рассказывали о неприступности вашей цитадели и

о том, сколь тяжело покинуть ее против воли хозяев. Кроме того, в письме говорилось о людях сомнительной репутации, сопровождающих подозреваемого.

«А монашек-то сообразительный попался... Знал, куда и к кому едет, и подготовился заранее», – мысленно одобрил Тьерри.

– Знаете, вероятные пособники тоже бежали, – вымолвил он под сдавленное хихиканье любимой сестрицы. – Мессир Бертран отправился за ними в погоню, может, сегодня к вечеру или завтра утром изловит. Они, похоже, подались в Безье – больше тут спрятаться и разжиться припасами негде. В деревнях все друг друга знают, любой новый человек на виду, а Безье какой-никакой, но город.

Брат Доминик укрылся за собственным внушительным носом, обдумывая полученные сведения. Ближайшие четверть часа он помалкивал, молчал и за столом, когда Тьерри на правах хозяина пригласил святых отцов разделить с ним скромную трапезу. Лишь с видом величайшего одолжения поклевывал из стоявшей перед ним тарелки да внимательнейшим образом прислушивался к застольной беседе. Тьерри готов был голову дать на отсечение, что въедливый монашек запоминает и сопоставляет каждое слово. Откуда только он взялся, такой дотошный, в безликой свите монсеньора Олибы?

Настороженно косясь на носатого брата Доминика, Тьерри вяло отбивался от нудных расспросов епископа – какая

хворь могла сразить Рамона, когда начнутся похороны безвременно усопшего Хайме, да кто будет проводить поминальную службу?..

– Не сходится, – внезапно обрел голос брат Доминик. – Жертвы волкодлака обнаруживались в окрестностях вашего замка в течение почти двух минувших лет. Подозреваемый, как заявил сам мессир Бертран, объявился в ваших краях не более седмицы тому, вдобавок открыто прибыв из дальних краев.

«Простейший и незамысловатый вывод, до которого только он пока что и додумался, – с невольным уважением отметил Тьерри. Впрочем, уважение тут же сменилось неприязнью: – Сидишь под моей крышей, жрешь мой хлеб и выгадываешь, как бы подловить хозяина на слове? Ну, я ж тебя...»

– Говорят, подобные существа способны менять образы и даже прикидываться убитыми ими людьми, – с чрезвычайно напыщенным видом предположил епископ Олиба. Тут же последовал резкий ответ монашка:

– Если речь об одержимых бесами, то допрежь такого не обнаруживалось, и в записях проведенных ранее процессов inquisitio такожде не отмечено. У человека есть единственный образ – данный Господом при рождении и остающийся с ним до смерти. Порождения Преисподней, возможно, и способны на такое, но предположить, что в окрестностях Ренна вот уж два года бесчинствует демон... – святая братия дружно, как по команде, перекрестилась: монсеньор Олиба –

сдержанно и с большим достоинством, братья Доминик, Себастьян и Никол – размашисто, истово. – Нет, это было бы чересчур.

– Хотите сказать, мой отец оклеветал невинного? – мягко поинтересовался Тьерри.

– Хочу сказать, было бы весьма поучительно и полезно побеседовать с тем человеком, коего объявили волкодлаком, – брат Доминик поднялся из-за стола, его примеру последовали двое безмолвных соратников. – Но, поскольку он отсутствует, мы будем говорить с обитателями вашего владения. Там, где живет такое количество людей, наверняка найдется хоть один, кто что-то видел, знает, слышал, догадывается.

– Что ж, не буду вам мешать, святой брат, – пожал плечами Транкавель-средний. – Беседуйте с кем угодно. Не сомневаюсь, что ваше расследование производится с ведома и одобрения его преосвященства.

– Да-да, конечно, – поспешно закивал монсеньор Олиба. Тьерри посмотрел на епископа с отращением. «Ого! А ведь он, пожалуй, побаивается этого носатого! Фи, ваше преосвященство... пресмыкаться перед Железным Бертрамом – еще куда ни шло, но собрат по Ордену-то чем вас запугал?»

– Возблагодарим Господа нашего за ниспосланную нам трапезу, – с чувством произнес брат Доминик. Двое его собратьев откликнулись нестройным эхом. – Также и вам благодарствую, мессир Тьерри. Ваше преосвященство, позволи-

те ли вы...

– Разумеется, разумеется, – вновь с готовностью отозвался епископ, точь-в-точь старая толстая нянька, позволяющая своим непоседливым подопечным любые шалости – лишь бы дали спокойно посидеть на солнышке. – Ступайте, брат мой.

Брат Доминик на прощание мазнул коротким, колючим взглядом по непроницаемому лицу Тьерри и вместе со своими спутниками был таков – только край потрепанной рясы мелькнул за закрывающейся дверью.

– Ретив, однако. С подобными служителями святая мать наша Церковь может не тревожиться относительно своего будущего, – вынесла приговор Бланка. – Ваше преосвященство, и много у вас таких... подчиненных?

– Пока всего один, – вздохнул монсеньор Олиба, – но и одного более чем достаточно. Ретив не по годам, что верно, то верно, но ведь и способностей немалых, упорен, умен, а главное – непоколебимо крепок в истинной вере. При нем *inquisitios* станут настоящей силой, они уже и сейчас многое могут... И поделаться с ним ничего нельзя – он знатного рода. Младший сынок да Гусманов, живет в Кастилии такое старинное семейство. Учিনি я ему хоть малую неприятность, и за него тут же вступятся высокие покровители – что в Тулузе, что в Наварре, что дома, в Леоне. Воистину, тяжел крест сей, однако ж подобает нести его со всем смирением...

Духовный отец провинции Редэ испустил еще один тяжкий вздох, со вкусом отхлебнул кислотоватого, с неповторимой

легкой горчинкой, молодого вина и потянулся за ломтем жареной оленины.

* * *

Заточение в Старой башне, как и предсказал Тьерри, продлилось от силы три или четыре часа. Бланка, изображавшая безвинную мученицу, резвилась вовсю – со скорбным ликом созерцала из окна суету в замковых дворах, бродила туда-сюда по комнатам, выразительно заламывая руки, и под конец принялась распевать трогательным дрожащим голоском, причем выбирала наиболее душещипательные лэ о погибших в сражениях рыцарях и безутешных красавицах.

Устроившийся в дальнем темному углу и погруженный в размышления Тьерри не выдержал, попросив сестру или замолчать, или петь потише. Бланка незамедлительно сменила репертуар, затянув подслушанную неведомо где разухабистую сервенту с весьма пикантными рифмами. Тьерри беззвучно рассмеялся – жизнелюбие и неутомимость его сестрицы били ключом, заражая всех окружающих. Даже грозный отец никогда не мог всерьез на нее рассердиться. Бланке сходили с рук любые проказы – начиная от похищения с накрытого стола арабских сладостей, предназначенных для важных гостей, и заканчивая визитом в сокровищницу. Пронырливое дитя стянуло у отца ключ, отперло дверь и утащило целый ворох драгоценностей. Как объяснила Бланка, она

просто хотела поиграть со сверкающими камешками.

Странное дело, Тьерри никак не мог в точности припомнить ни облика матери Бланки, ни даже ее имени. Загадочная женщина появилась в замке вскоре после смерти донны Хименес. Матушка Хайме, испанка из Арагонской провинции, скончалась в середине января, не вынеся тягот долгой и холодной зимы. Ему самому тогда исполнилось десять лет, Рамону – двенадцать, осиротевшему Хайме – всего три года. Незнакомка редко покидала покои отца, не выходила к гостям, не пыталась стать хозяйкой Ренна, избегала встреч и разговоров с детьми... Слуги болтали разное. Мол, господин Бертран купил себе в утешение похищенную в Гранаде мавританскую принцессу. Да нет, ему привезли прекрасную сарацинку из самой Святой Земли. Или византийку из Константинополя, придворную даму не то родственницу тамошних императоров.

Летом 1174 года родилась девочка, окрещенная в присутствии близких друзей семьи Терезией-Маргаритой-Бланкой-Катрин. Таинственная мавританка, сарацинка (или кто она там была на самом деле?) оставалась в замке до осени. Незадолго до Рождества она исчезла – столь же тихо и внезапно, как и появилась. Бланка росла под присмотром мамок и нянек, оставаясь для сводных братьев непонятным созданием, обитающим на женской половине. Когда прижитой на стороне дочурке исполнилось шесть лет, мессир Бертран официально признал ее своим отпрыском, дал имя, назначил

содержание и размер приданого к будущему браку. Младшая из Транкавелей наконец-то поближе раззнакомилась с троицей своих братьев, и вскоре уже никто не представлял, как они раньше жили без нее – неугомонной, любопытной, не в меру языкатой и весьма сметливой для подростка.

Порой Тьерри приходила в голову мысль, что, если уж брак неизбежен, он предпочел бы видеть своей супругой девушку наподобие сводной сестры. Второй Бланки ему отыскать пока не удалось, хотя Тьерри не терял надежды.

...Возвращать свободу узникам граф Бертран пришел лично. Скрипнул ключ в замке, ударились о камень распахнутая дверь. Сидевшая на окне девушка спрыгнула с подоконника, Тьерри нехотя поднялся с накрытого облысевшей медвежьей шкурой сундука. Отец смотрел на них по-прежнему неприязненно, однако без полыхавшего утром в его глазах желания приготовить из среднего сына и младшей дочери двух поросят на вертеле. Доказательств, уличающих отпрысков в неблаговидных поступках или пособничестве беглецам, не обнаружилось. Или детки научились ловко прятать концы в воду, или действительно не имели никакого отношения к побегу. В последнее Железному Бертрану верилось с трудом.

– Ничего, – хмуро буркнул он, отвечая на невысказанный вопрос Тьерри. – Стража на обеих воротах клянется, что мимо них мышь не проскакивала, ключи от потерны висят нетронутыми – да и кто бы до них добрался, они ведь хра-

няться в моей комнате... Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Сейчас бездельники Гвиго обыскивают замок заново, но проку с того... Их здесь нет.

– Перекинулись летучими мышами и выпорхнули через каминную трубу, – предположила Бланка. Отец свирепо покосился на нее, и девица прикусила не в меру бойкий язычок.

– В конце концов, не так уж важно, как именно они покинули Ренн, – Железный Бертран прошелся через комнату, от дверей к стрельчатому окну и обратно. – Дознаемся после. Или расспросим самих мерзавцев, когда схватим. Ох и поговорим мы тогда! Так поговорим!..

– Сперва надобно схватить, – резонно заметил Тьерри.

– Я затем и пришел. Вот их вещи. Ну-ка, сын, покажи, на что ты способен!

С этими словами Бертран швырнул сыну небольшой матерчатый мешок, который Транкавель-средний поймал на лету. Еще не распустив завязки на мешочной горловине, Тьерри знал, что будет внутри. Скарб из оставшегося имущества беглецов – женская гребенка, узкий кожаный пояс с тиснением, сильно истрепанная перчатка... Что ж, этого следовало ожидать, и даже странно, что отец так долго медлил с просьбой.

Судьба вручила детям Бертрана Транкавеля диковинные таланты – каждому свой, разной мерой, разного предназначения. Рамон, наиболее одаренный от рождения, развивал свой Дар последовательно и рьяно – правда, отдавая предпо-

чтение самым мрачным его сторонам. То, что оказалось ему доступно в результате, вполне заслуживало наименования «черная магия». Тьерри, чей Дар пока оставался нейтральным, не склоняя хозяина ни к темной, ни к светлой стороне Силы, лишь немногим ему уступал. Лучше всего он умел провидеть нужную дорогу или отыскать утраченное: человека, вещь, не имело значения. Впрочем, средний сын Бертрана де Транкавеля мог и многое другое, более того – чувствовал, что, стоит ему только захотеть, и по своим умениям он легко превзойдет Рамона. Тайная сила Ренн-ле-Шато сама шла ему в руки. Именно поэтому Тьерри старался прибегать к ней как можно реже – помня расхожую пословицу об увязшем коготке и имея перед глазами постоянный наглядный пример в виде старшего брата.

На что способна и к чему склонна Бланка – оставалось покуда тайной за семью печатями. То ли вздорная девица еще не вошла в надлежащий возраст, то ли предпочитала скрывать свои умения от чужих глаз.

Сам Железный Бертран тоже кое-что умел – заставить человека говорить правду или подчинить его волю, отвести глаза, внушить необъяснимый ужас или, напротив, полное доверие. Но по сравнению со способностями детей его собственные таланты выглядели весьма скромно. По натуре скорее правитель и воин, нежели книжник, Бертран де Транкавель никогда не уделял достаточно времени постижению тайного знания. И вот теперь, как раз когда это самое знание

вдруг оказалось позарез необходимым, глава семейства был вынужден скрепя сердце обратиться за помощью к находящемуся на подозрении потомку.

Высыпав кучку вещей прямо на пол, Тьерри какое-то время задумчиво созерцал получившуюся композицию. Ответ он получил почти сразу, ясный, четкий и недвусмысленный, однако План требовал сугубой осторожности в высказываниях. Нельзя соврать – отец увидит ложь. Но и выдать всю правду нельзя, иначе судьба беглецов предрешена – а с ними и судьба самого Тьерри. Железный Бертран не простит ему соучастия.

– Дорога, – наконец изрек он. Бертран и Бланка молча смотрели на него, отец – нетерпеливо притоптывая носком сапога, сестра – с сочувствием. – Они едут по дороге. К большому городу. Вдалеке видны башни. Это... – он сделал паузу, – это Минерв... Нет, Безье!..

– Так Безье или Минерв? – не выдержал Бертран. Тьерри поднял на отца укоризненный взгляд и принялся массировать указательными пальцами виски.

– Ты не позволил мне рассмотреть толком, – после долгого молчания ответил он. – Надвратные башни похоже на те, что при въезде в Безье, но я не уверен...

– Плевать я хотел на твою уверенность! – рыкнул Бертран. – Впрочем, так я и думал. Ясно как день, они намерены укрыться в большом городе! Думают затеряться там! Ну, пусть попробуют. Поглядим, как это у них получится. На

всякий случай разошлем гонцов и в остальные города провинции, с описаниями и приказом схватить этих ублюдков. Я уже посадил писарей за работу... Никуда они теперь не денутся.

Он машинально потер ладони.

– Что ж, мои дорогие, можете ликовать. Я отправляюсь в Безье, возглавлю охоту лично. В мое отсутствие хозяйничать в Ренне будете вы. Продолжайте поиски, вдруг все-таки обнаружится, каким способом треклятая шайка просочилась у нас сквозь пальцы. Ах да, сегодня вечером или завтра утром пожалует его дутое преосвященство монсеньор Олиба. Позаботьтесь, чтобы он или его прихвостни не узнали больше необходимого. Пусть сидит смирно и ждет моего возвращения. Привезу ему обещанного оборотня, да не одного, а со всей компанией.

В том, что он не сегодня – завтра приволочет чудовище в замок на цепи, Бертран де Транкавель не сомневался. Как и во всех своих поступках. Он уже выбрал, кому именно предстоит плачевная участь зверя, и никакая сила в мире не могла свернуть его с избранного пути. Бертран намеревался справиться по своему погибшему сыну кровавую тризну.

– Идем, – распорядился граф Редэ и прочие приказания отдавал уже на ходу: – Тьерри, начинай приготовления к похоронам. Приглашения и все, что требуется. Зовите ближайших соседей, но не более десятка – не желаю, чтобы здесь топтались унылые рожи с выражениями никчемного собо-

лезнования. Кстати, Олиба заодно сможет провести заупокойную мессу.

– А как быть с Рамоном? – сунулась Бланка. Бертран на краткое мгновение сбился с шага:

– С Рамоном?.. Да что с ним делается, отлежится дня три-четыре и выкарабкается... Приглядывай за ним в оба, Тьерри, чтобы он опять не учинил какую-нибудь глупость. Сейчас нам совершенно ни к чему лишние хлопоты. Главное, ни в коем случае не подпускай к нему приезжих монахов! Обойдемся своими силами, а они пусть не мешаются под ногами.

– Я все понял, отец, – кивнул Тьерри, чьи планы на ближайшие дни разительно отличались от помыслов его родителя. Сложившаяся в Ренн-ле-Шато ситуация как нельзя лучше подходила для того, чтобы оборвать некоторые мешающие нити и положить конец кое-каким досадным препятствиям. Тьерри огорчало только одно: на сей раз осуществление его планов будет оплачено чьей-то кровью. Но уж лучше малая кровь сейчас, чем ее реки и озера потом.

Провожая отцовский отряд, Тьерри искренне желал, чтобы четверо беглецов оказались той стеной, о которую Бешеный Транкавель изрядно разобьет себе голову.

О чем размышляла Бланка-Терезия-Маргарита-Катрин, осталось неизвестным.

Ближе к середине дня, отделавшись от въедливого монашка и его патрона, Тьерри отправился проведать старшего брата. По дороге ему пришлось выдержать нешуточную схватку с толкавшим под локоть искушением: избавиться от Рамона прямо сейчас. Никто не удивится и не станет задавать вопросов, а многие украдкой вздохнут с облегчением. Да, еще совсем недавно братья Транкавель были по гроб жизни преданы друг другу... Но с тех детских лет многое переменялось. Бешеную собаку необходимо прикончить – хотя память еще хранит воспоминания о том, каким милым щеночком она была.

Право, очень жаль, что задумка девицы Изабель не увенчалась успехом...

Беспорядок в покоях наследника уже прибрали, изгаженный ковер унесли, а пол вытерли и засыпали соломой. Мадам Идуанна де Бланшфор, супруга Рамона, отсутствовала – как немедля выяснилось, госпожа заперлась в своих комнатах и не желала никого видеть. Женщина поступила совершенно правильно, ибо Тьерри частенько ловил себя на настойчивом желании схватить Идуанну за плечи и проорать прямо в бледное, подурневшее личико: «Видишь, чего ты добилась? Вот они, плоды твоих нашептываний, твоих уверений, твоих советов! Любишься на дело рук своих! Нравится?». Попа-

дись Идуанна ему сейчас под горячую руку, шумная семейная сцена не заставила бы себя ждать.

Братец Идуанны, злополучный красавчик Гиллем, скорбевший над прозвищем «Одноухого», после отъезда Железного Бертрана сидел тише воды, ниже травы. Тьерри никак не ожидал от душки Гиллема столь решительного поступка – явиться к графу Редэ с рассказом о событиях, в которых ты сам сыграл довольно незавидную роль. Должно быть, Бланшфор-младший рассчитывал на некоторое вознаграждение или хотя бы на то, что Бертран изменит свое отношение к нему, но просчитался. Владыка Ренна забыл о Гиллеме, едва тот скрылся за дверью.

«Охвостье», как Тьерри презрительно именовал блистательно-порочное окружение Рамона, разбежалось по дальним углам замка, испуганно притихнув. Кое-кто, послабее духом или поумнее, торопился сменить покровителя – с утра уже двое или трое человек скреблись под дверями Тьерри, разливаясь о глубине своих заблуждений, а также о своей верности и преданности.

Человек, заправлявший нынче во владениях Рамона, изрядно смахивал на престарелого подслеповатого филина. Взъерошенный, тощий, в потрепанной рясе бенедектинца. С усохшей морщинистой физиономии на мир взирали не по возрасту молодо поблескивающие глазки, вылинявшие до блекло-сероватого цвета. Отец Ансельмо, хранитель замковой библиотеки, наставник нынешнего поколения молодых

Транкавелей – и хранитель тайн, которым не следовало покидать стены Ренна.

Бесцеремонный старикан очистил огромный дубовый стол Рамона от скопившихся книг и пергаментов с небрежно начертанными заметками, разместив собственное имущество – высушенные травки, корешки, бутылки с настоями и даже маленькую жаровню. Над ней висел укрепленный в хитроумном зажиме небольшой медный сосуд, внутри булькала густая темно-вишневая жидкость. Клубившийся над варевом запах, к которому принюхался Тьерри, был приятным – словно от скошенной травы после дождя. На специальной замшевой подстилке матово посверкивали три тонких и узких, как птичьи перья, маленьких ножа с костяными рукоятками. Клинки мавританской работы за кругленькую сумму приобрел Бертран де Транкавелель после долгих просьб многоученого книжника. Отец Ансельмо надыхаться не мог на свое сокровище, уверяя, что для нет ничего лучше, если необходимо отворить кровь, сделать тончайший надрез или вскрыть нарыв.

Сам владелец покоев недвижно вытянулся на краю огромной постели, установленной на возвышении в три ступеньки и с нависающим балдахином. На одной из ступенек примостился серебряный тазик, на четверть полный густой, почти черной крови.

Заметив вошедшего, старый книжник, он же лекарь, открыл было рот для изложения последних новостей. Тьерри

вежливо отмахнулся: «Позже!». Угрызения совести, которых ему доселе удавалось избежать, загомонили вовсю, перебивая друг друга.

«Я знаю, у меня нет другого выхода, – средний из братьев Транкавель исподлобья глядел на старшего, на изменившееся лицо с болезненно заострившимся чертами. – Ты слишком далеко ушел по избранной тобой дороге. Теперь поздно что-либо менять, поздно посыпать голову пеплом. Партия заканчивается, лишние фигуры покидают доску. От одной я уже избавился, теперь настает твоя очередь. Прости».

– Как он? – полушепотом, чтобы не потревожить спящего, осведомился Тьерри. Монах выразительно развел руками:

– Ни хуже, ни лучше. Я постарался избавить его от той заразы, которую он проглотил, и выпустил дурную кровь. Сердце бьется, он дышит – так что остается только ждать да... – он хотел добавить «да надеяться на милость Господню», но предпочел промолчать. Ухватив Тьерри за рукав иссохшими пальцами, пожелтевшими от возни с травами, библиотекарь оттащил его подальше от ложа и горячо зашептал:

– Послушайте, мессир Тьерри, ее нет на месте. Я все обыскал сверху донизу, но ее нет. Мадам Идуанна ее взять не могла. Гвиго и его гвардейцы тоже, да и зачем она им? Она пропала. Я уж не рискнул соваться с эдакой новостью к вашему отцу...

– Кто пропал? – не сразу понял Транкавель-средний.

– Она, – пожевав губами, терпеливо повторил отец Ан-

сельмо. – Наша... ваша реликвия. Видите ли, накануне днем ваш брат заглянул в библиотеку и пожелал забрать ее. Не мог же я ему отказать, верно? В комнатах ее нигде нет, и, если он не уволок ее вниз или не оставил в каком-нибудь другом месте...

Взгляд Тьерри привычно переместился к четырем полкам из массивных дубовых досок, где Рамон расставил принадлежавшие ему книги. Изрядная часть личной коллекции наследника Ренна хранилась в подвалах, в Санктуарии, но и здесь, в покоях, фолиантов было немало – около двух десятков трактатов по алхимии и истории, рассказы путешественников о дальних краях и рукописи неверных касательно исчисления путей звезд, проведения магических обрядов или вызову духов стихий. Знакомой с детства синей обложки Реннского Апокрифа среди них не было.

Транкавель-средний тихо, замысловато выругался, пытается сообразить, какова может быть судьба похищенной вещи. Скорее всего, ее прибрала рыжая девица – она ведь побывала здесь незадолго до того, как Рамону сделалось худо. Может быть, его взбалмошный старший братец сам и похвастался перед сметливой англичанкой фамильным сокровищем. Однако что было – уже несущественно, важно, что будет дальше. Покинувшие Ренн незваные гости должны по выходу из подземелий угодить в цепкие руки конфидента Элеоноры Аквитанской. Он наверняка обшарит невеликий скарб пленников, наткнется на Книгу... и решит, что во всем

мире не сыщется наилучшего подарка для его госпожи.

Как поступит Элеонора? Если верить ходящим о ней слухам, вдовствующая королева Альбиона весьма умна и расчетлива. Вряд ли она покажет угодивший к ней раритет святым отцам или представителям Римской курии. Конечно же, не уничтожит. Но вот вернет ли? Неизвестно. Элеонора Пугату – не то что ее сынок, по широте душевной транжириющий направо и налево любые ценности. Престарелая леди своего не упустит, и удивительная книга имеет все шансы никогда более не вернуться к хозяевам Ренн-ле-Шато. А это скверно. Очень скверно. Книга должна быть в Ренне, иначе возможность семейства де Транкавель менять мир по своему усмотрению постепенно начнет сходить на нет. Могущество просочится сквозь пальцы, как вода или песок.

Проклятье! Еще одно совершенно непредвиденное осложнение! И, как назло, именно тогда, когда все силы брошены на осуществление Плана, когда любая мелочь может разрушить долгие, тщательные приготовления. Трижды проклятье! Какой бес занес в Редэ эту сумасшедшую четверку?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.